Красная королева

Автор:
Кристина Генри

Красная королева

Кристина Генри

Злые сказки Кристины ГенриХроники Алисы #2

Земля за пределами Старого города должна была дарить надежду. Зеленые, цветущие поля, где Алиса сможет наконец отдохнуть. Время пришло: она больше не игрушка в руках Кролика, не пешка Чешира или добыча Бармаглота.

Алиса и Тесак отправляются на поиски его дочери. Квест, который они начали и не оставят, даже если он приведет их прямиком в лапы безумной Белой Королевы или в царство сумасшедшего и жестокого Черного Короля.

Каждый ход приближает Алису к ее судьбе. Но для победы ей нужно будет не только использовать свои новообретенные способности, но и объединиться с кем-то еще более могущественным. Например, с таинственной и мстительной Красной Королевой…

Фигуры расставлены. Игра уже началась.

Кристина Генри

Красная королева

Christina Henry

THE RED QUEEN

Copyright © 2016 by Tina Raffaele

© В. Двинина, перевод на русский язык, 2022

© Издательство «АСТ», 2023

* * *

ТЕМНОЕ И ГЛУБОКО ТРЕВОЖНОЕ ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ПРИКЛЮЧЕНИЙ «АЛИСЫ В СТРАНЕ ЧУДЕС». КОМУ ТАКОЕ НЕ ПОНРАВИТСЯ?

KIRKUS REVIEWS

АЛИСА НЕ ОСТАВЛЯЕТ ПОПЫТОК ОТЛИЧИТЬ РЕАЛЬНОСТЬ ОТ ВЫМЫСЛА. В ЭТУ ИГРУ КРИСТИНА ГЕНРИ УВЛЕКАЕТ НЕ ТОЛЬКО СВОИХ ПЕРСОНАЖЕЙ, НО И ЧИТАТЕЛЕЙ.

PUBLISHERS WEEKLY

ЛЬЮИС КЭРРОЛЛ НЕ МОГ ПРЕДСТАВИТЬ ТАКОЙ МИР ДЛЯ СВОЕЙ АЛИСЫ.

RT BOOK REWIEWS

Люсьен Дайвер, главной моей фанатке и непревзойденному агенту – тебе первой понравилась эта книга

Пролог

В Старом городе

В сером-сером, укрытом туманом городе, где за каждым гулким эхом шагов прячутся чудовища, жил маленький человечек, собиравший сказки. Он сидел в скромной гостиной, полной роз, – маленький опрятный человечек с золотисто-каштановыми кудрями и глазами яркими и зелеными, точно листья роз. Маленький опрятный человечек в бархатном розовато-красном костюме настоятельно угощал чаем свою гостью, удивленно озиравшуюся по сторонам. Девочка распахнула глаза и изумленно осматривалась – она не понимала, как оказалась здесь, знала только, что этот странный маленький человечек помог ей, когда она уже думала, что совсем потерялась.

– Ты любишь сказки? – спросил человечек.

Его звали Чеширским, и девочка думала, что это очень странное имя, хотя его гостиная и коттедж были весьма милы.

– Да, – ответила она.

Она была еще очень мала и даже не знала, от чего ее спас Чеширский, наткнувшийся на нее, когда она бродила по улицам неподалеку от его коттеджа. Ей повезло, очень повезло, что нашел ее именно он.

– Я тоже люблю сказки, – сказал Чеширский. – Я их собираю. Коллекционирую. Эта сказка мне нравится, потому что я играю в ней роль – маленькую, конечно, но тем не менее роль. Однажды жила-была девочка по имени Алиса. Жила она в Новом городе, где все сияет, где все прекрасно и изумительно. Но Алиса была любопытной девочкой с любопытным талантом. Она была волшебницей. Ты знаешь, кто такие волшебники?

Девочка покачала головой:

– Я о них только слышала. Они могли творить чудеса, но министры изгнали из Города всех волшебников. Давным-давно.

– Вот. – Чеширский подмигнул. – Думали, что изгнали, но парочка волшебников осталась. И Алиса была одной из них, хотя пока и не знала этого. Она обладала магией и потому была уязвима. Девушка, которая считалась подругой Алисы, продала ее, продала за деньги очень плохому человеку, которого звали Кролик.

– Он был кроликом? – в замешательстве переспросила гостья.

– Не совсем, хотя кроличьи уши у него имелись, – ответил Чеширский. – Кролик причинил боль Алисе и хотел причинить ей еще больше боли, хотел продать ее человеку по имени Морж, который ел девушек-волшебниц.

Девочка вновь широко распахнула глаза и поставила чашку чая на расписанный розами столик Чеширского.

– Ел? То есть – взаправду ел?

– О да, дорогуша. Ам-ам – и в брюхо. Но Алиса была быстра и умна, она сбежала от Кролика прежде, чем он скормил ее Моржу. Однако Кролик пометил Алису, пометил длинным шрамом через все лицо, шрамом, говорящим о том, что она – его. Хотя моя находчивая Алиса тоже пометила его. Она выколола ему глаз. Но, увы, маленькая Алиса, она была сломлена, подавлена, она запуталась, и ее родители заперли ее в лечебнице для запутавшихся людей. Там она встретила безумца с топором, Тесака, сумасшедшего, который полюбил ее. Тесак и Алиса сбежали из лечебницы. Они путешествовали по Старому городу в поисках своего прошлого – и в поисках чудовища по имени Бармаглот, который залил улицы кровью и завалил их трупами.

Девочка содрогнулась.

– Я знаю о нем.

– Тогда я должен сказать тебе, что Алиса, умненькая Алиса, превратила его с помощью своей магии в бабочку, чтобы он никогда и никому не мог больше причинить вреда. Бабочку она посадила в склянку, а склянку положила себе в карман – и там Бармаглот и сидит по сей день, если, конечно, не умер, что вполне возможно.

– А Кролик и Морж? – спросила девочка. – Что стало с ними?

– Ничего хорошего, дорогуша, – сказал Чеширский. – Абсолютно ничего хорошего, потому что они были плохими людьми, а у плохих людей обыкновенно плохой конец.

– Как и должно быть, – твердо заявила девочка. – А Алиса? Для нее все кончилось хорошо?

– Не знаю, – ответил Чеширский.

Часть первая

Лес

Алиса была волшебницей, хотя в собственной магии разбиралась не слишком хорошо. Она сбежала из Города, который ненавидел волшебников и боялся их, – и отчасти поэтому так мало знала о магии. Алиса была высокой, голубоглазой – вот только психика ее немного пострадала. Ее спутник, однако, против этого не возражал, поскольку в его голове царила куда большая путаница.

Тесак был убийцей, и в деле этом знал толк. Алиса полагала, что раз Тесак так хорошо разбирается в убийствах, то его нужно называть Убийцей с большой буквы – Волшебница и ее Убийца. Он тоже был высок. А еще сероглаз. И безумен. И опасен. Но он любил Алису, и потому они оставались вместе и брели к будущему, которое позволило бы им оставить прошлое в прошлом.

Алиса очень жалела, что не может сделать что-нибудь волшебное, как в сказке, – сотворить ковер-самолет, например, или призвать ручного единорога, чтобы прокатиться верхом. А то куда же это годится – волшебница, которая не может показать ни одного эффектного фокуса?

В крайнем случае можно было бы сотворить велосипед, хотя при мысли о Тесаке, балансирующем на нем с топором в руке, Алиса хихикнула. Все было бы лучше, чем этот туннель, бесконечный и узкий, с его вечной полутьмой и отсутствием

надежды на свет в конце. Знай она, что путешествие займет столько времени – по меньшей мере три дня, по ее прикидкам, – то никогда не вошла бы сюда.

Да, Алисе казалось, что прошло уже три дня, хотя точно определить время они не могли – часов не было.

Устав, они ложились спать; ели то немногое, что оставалось в мешке Тесака. Вскоре они почувствовали голод и жажду, но те уже стали для них привычными и просто присоединились к длинной череде неудобств. Еды и воды редко было в достатке с тех самых пор, как они сбежали из психушки, где кашу регулярно приносили утром и вечером.

Во время этой долгой «прогулки» Алиса мечтала выйти наконец к бескрайним полям и дубравам и найти чудесный зеленый край, о котором рассказывал Кубышка, кролик, которого они спасли с бойцовского ринга Моржа. Да что угодно, думала она, будет лучше этих бесконечных тумана и тьмы Старого города.

У Тесака, как водится, мрачное молчание чередовалось с приступами возбуждения. Он то мерно шагал, погруженный в раздумья, то убегал вперед, а потом возвращался, и так снова и снова, пока он не начинал бледнеть и задыхаться. Иногда он останавливался, боксируя со стенами, разбивая в кровь кулаки, или рубил стены своим топором. Алисе казалось, что он размышляет больше, а носится меньше, чем обычно, хотя, по правде говоря, ему было о чем поразмыслить.

Он только что вспомнил, что у него есть дочь: более десяти лет назад ее продали работорговцам с Востока. В том, что он забыл ее, не было его вины – ведь именно события того дня и превратили его из Николаса в безумного Тесака. Сейчас, верно, в нем бурлили гнев, и вина, и беспомощность. Они смешивались с жаждой крови, и Алиса порой видела отражение тягостных мыслей на лице Тесака, но он никогда не говорил об этом.

«И он, наверное, – думала Алиса, – немножко сердится на меня за то, что я погрузила его в сон, когда пришла пора встретиться с Бармаглотом».

Алиса не сожалела о своем решении, хотя и знала, что оно идет вразрез с представлением Тесака о себе как о ее защитнике. Тесак имел привычку сперва

махать топором, а потом уж думать, а, как оказалось, чтобы победить древнего волшебника, кровопролитие не потребовалось.

Она чувствовала в кармане успокаивающую тяжесть стеклянного пузырька и нарочно старалась не думать о нем. Очень скоро заключенный внутри Бармаглот будет мертв – если еще не умер.

Туннель вел их прямо с тех пор, как они вошли в него в Старом городе, а теперь вдруг резко пошел вверх, и Алиса заметила, что, хоть редкие фонари исчезли, в пещере сделалось светлее.

Тесак ринулся вверх по крутому склону. Алиса тащилась за ним, спотыкаясь и цепляясь за что попало, чтобы не скатиться вниз. Любое дело всегда давалось Алисе куда сложнее, чем сильному и ловкому Тесаку. Иногда ей даже казалось, что ее тело само сопротивляется движению вперед.

Когда они наконец, моргая и щурясь, вышли на свет, Алиса решила, что все же не создана для жизни под землей.

Она кое-как перекатилась через порог туннеля, полуслепая после долгих дней сумрака, и ожидала почувствовать прикосновение мягкой травы. Но под пальцами оказалось что-то вроде пепла и нескольких чахлых серых травинок, храбро тянущихся к солнцу.

Алиса заставила себя разлепить веки. Это потребовало гораздо больше усилий, чем можно было бы ожидать; глаза не желали видеть это ослепительное сияние и упрямо закрывались сами собой.

Тесак убежал вперед, уже приспособившись и, кажется, наслаждаясь свободой после замкнутого пространства туннеля. Сквозь полуприкрытые веки Алиса воспринимала его как размытую зыбкую тень. Вдруг Тесак остановился, и его неподвижность заставила Алису подняться на ноги и хорошенько осмотреться. Осмотревшись же, она почти пожалела об этом, поскольку то, что ждало их снаружи, оказалось совсем, совсем не лучше туннеля.

Они вылезли на склон холма, а перед ними возникло нечто, некогда бывшее обширным лугом, поросшим, возможно, высокой травой и усеянным полевыми цветами. Теперь же перед ними на многие мили расстилалась лишь голая

черная пустошь, кое-где вспучивающаяся курганами.

– Это не то, чего мы ожидали, – сказал Тесак.

– Нет, – слабо откликнулась Алиса. – Что здесь случилось?

Тесак пожал плечами:

– К сожалению, не? у кого спросить.

Глядя на царящее повсюду опустошение, Алиса боролась с наворачивающимися на глаза слезами. А чего тут плакать – ни тебе преступников, похищающих женщин, ни улиц, залитых кровью и заваленных трупами, ни даже гнусного Кролика.

«Это всего лишь пустошь. Здесь нет никого, кто мог бы причинить вред тебе или Тесаку. Переживать ни к чему. Это ничего. Ерунда».

Возможно, если повторять эти слова достаточно часто, они станут правдой.

«Ничего, совсем ничего».

Но обещание рая за стенами Города поддерживало Алису. Ею двигала мечта о горной долине, и озере, и небе, голубом, а вовсе не сером. Столько пройти, столько пережить – и обнаружить в конце лишь выжженную землю… Это показалось ей столь несправедливым, что заплакать теперь представлялось единственно разумным. Алиса позволила нескольким слезинкам разочарования выкатиться из глаз и увидела, как они упали в пепел у ее ног и тут же исчезли. Тогда она утерла лицо и сказала себе, что этого довольно, спасибо большое.

Алиса обошла холм, чтобы посмотреть, что там, по ту сторону. Вдалеке сверкал Новый город. Его высокие стены и белые здания мерцали на горизонте. А где-то в кольце Нового города, в его крепких объятиях, чернела язва Старого города.

– Никогда не думала, что он такой большой, – сказала Алиса присоединившемуся к ней Тесаку.

Мания сменилась печалью, и он снова сник, хотя Алиса и не знала, от собственных ли мыслей или от окружающего пейзажа.

Объединенные города выглядели огромным пятном на простирающейся до горизонта равнине.

«Конечно, Город должен быть гигантским», – подумала Алиса. Ведь им потребовалось много дней, чтобы добраться от лечебницы до логова Кролика, и все же они увидели лишь малую часть Старого города. Из-за плотности застройки тот казался меньше, чем был на самом деле.

– И что нам теперь делать? – пробормотала Алиса, возвращаясь ко входу в пещеру.

Тесак тащился за ней в безмолвии – мыслями он был не здесь.

Они рассчитывали, что сумеют добыть воду и еду, едва выберутся из туннеля, но теперь это не представлялось возможным.

– Тут где-то должна быть деревня или город, – сказала Алиса Тесаку. – Не все же в мире живут в Городе. И за этой пустошью должно что-то быть, иначе Чеширскому и остальным волшебникам туннель был бы не нужен.

Тесак присел на корточки и провел пальцами по темной субстанции, покрывавшей землю.

– Тут все сгорело.

– Да, – согласилась Алиса. – И сгорело каким-то неестественным образом. Это не похоже на обычную золу.

– Магия?

– Полагаю. Но зачем какому-то волшебнику понадобилось сжигать все вокруг? И давно ли это случилось? Кажется, пожарище тянется до самого края Нового города. Почему же Город не сгорел тоже?

– Что бы ни случилось, можешь быть уверена, никому в Городе об этом не сообщили, – буркнул Тесак.

– Но жители Нового города… Как они могли не заметить, что все вокруг в огне?

– Ты когда-то жила в Новом городе, – сказал Тесак. – Ты замечала хоть что-нибудь, на что не указывали тебе министры?

– Нет, – признала Алиса. – Но я ведь тогда была ребенком. Я мало что замечала кроме своего сада, своей гувернантки и своей семьи.

«И Дор», – подумала она, но вслух не сказала. Крошки Дор, маленькой сони, побежавшей за Кроликом. Дор, продавшей Алису мужчине, который надругался над ней, который пытался ее сломать. Дор, ее лучшей в мире подруги.

Мысли о Дор заставили Алису вспомнить чаепитие с Кроликом и Моржом и огромное блюдо с кусками торта, чудесными кусками торта, украшенными высокими разноцветными кремовыми шапочками. Что угодно она отдала бы сейчас за торт – но только не за торт Кролика, в который он подсыпал порошки, чтобы она стала слабой и податливой.

На мгновение ей захотелось получить волшебную посылочку от Чеширского, посылочку с едой, да только вот для этого нужно было с ним связаться, а этого Алиса не хотела.

Хотя, может, ей самой удастся наколдовать им еды? Алиса еще не привыкла к тому, что она волшебница. Видимо, поэтому она еще не позаботилась об их пропитании. Возможно, здесь, так далеко от Города, она сумеет найти другого волшебника, который ее чему-то научит? Не могут же они все быть такими ужасными, как Гусеница, и Кролик, и Чеширский, и Бармаглот.

Нет, она должна перестать думать о Бармаглоте. В желании ведь говорилось, что она забудет о нем, и он умрет. Значит, ей нужно забыть, ведь ей больше ни за что не хотелось увидеть последствия ярости Бармаглота. Реки крови и груды тел на улицах Старого города. На застывших, немых улицах, где не осталось ничего живого, кроме нее и Тесака.

«Совсем как здесь», – подумала Алиса. Только она, Тесак – и выжженная земля.

Здесь, посреди магического – вероятно – пожарища, вспоминая об ужасах, совершенных обитателями Старого города, верить в существование доброго волшебника казалось довольно наивным.

– Возможно, это власть развратила их, – пробормотала Алиса.

Мысль оказалась настолько пугающей, что ей внезапно вообще расхотелось пробовать творить какую-либо магию. Долгие годы она прожила под воздействием лекарств, которые заставляли ее думать, будто она сумасшедшая. Можно сказать, что она только-только начала узнавать эту Алису, понимать, каково это – быть собой. И она предпочтет вообще не пользоваться магией, чем сделаться кем-то неузнаваемым.

– Кого развратила власть? – переспросил Тесак.

– Эм-м?

– Ты сказала: «Возможно, это власть развратила их».

– Волшебников. Мы пока не встретили ни одного достойного.

– Да, – кивнул Тесак. – Но это не значит, что таких не существует. В той истории, что рассказал нам Чеширский, добрый волшебник избавил мир от Бармаглота. По крайней мере, на какое-то время.

– Конечно, – сказала Алиса. – Я и забыла.

– Хорошее легко забывается, – заявил Тесак, и фраза эта, похоже, вызвала у него очередной приступ задумчивости. Он сел и принялся вяло чертить что-то на золе острием одного из своих многочисленных ножей.

Алиса решила оставить его в покое. Тесак и в лучшие времена не отличался разговорчивостью, и попытки втянуть его в беседу только расстроят их обоих.

Все-таки попробовать чуточку магии не повредит. Они сейчас все равно никуда не пойдут, а Алиса проголодалась.

Единственное волшебство, которое у нее получалось сотворить – по крайней мере сознательно, – принимало форму желания. Она пожелала, чтобы Бармаглот оказался в склянке; пожелала, чтобы связь между ней и Чеширским разорвалась. Значит, и вкусную еду стоит только пожелать.

Алиса устроилась в нескольких шагах от Тесака и его рисунков, отметив при этом, что он не просто бездумно водит ножиком по грязи. Нет, в его работе была система; узор становился все больше, все замысловатее. Тесак уже стоял на цыпочках, согнувшись, как обезьяна, и метался взад и вперед, дополняя свой рисунок.

– Что ты делаешь? – с любопытством спросила Алиса.

Тесак только неразборчиво буркнул, и Алиса нахмурилась.

«Что ж, раз он так…»

И она, нарочно повернувшись к нему спиной, сосредоточилась на своей задаче.

«Итак, – подумала она, уже трепеща от предвкушения, – что же пожелать первым делом?»

Алиса была жуткой сладкоежкой – и десять лет на жидкой овсянке нисколько не притупили ее тягу к сладостям. Конечно, ей сразу захотелось пожелать горы тарелок с пирожными и печеньем, а еще большой чайник с горячим, исходящим паром чаем и красивые фарфоровые чашечки, куда этот чай можно наливать. Но она понимала, что желание это непрактичное. На креме да масле далеко не уйдешь – это даже Алисе было понятно.

Что же тогда? Что-то, что поместится в сумку Тесака и не испортится в этой унылой жарище. Только сейчас Алиса осознала, как же тут жарко. Капли пота набухали на лбу и над верхней губой, катились по груди и спине. В туннеле, из которого они вышли, было темно и прохладно. Теперь же, под жгучим солнцем, рубаха, куртка и толстые штаны липли к коже, раздражая Алису, заставляя ее

чувствовать себя еще более неуютно, чем раньше.

Сняв куртку, она спрятала маленький нож, который всегда носила с собой, за пояс. Потом вытянула перед собой руки ладонями вниз и почувствовала себя немного глупо. Алису отчего-то не оставляла странная идея, что магия должна выходить из ее рук. Зажмурившись, она сосредоточилась на своем желании.

– Я хочу… шесть мясных пирогов! – решила она. – И дюжину яблок. И кувшин парного молока.

Открыв глаза, она посмотрела вниз. Под руками ничего не появилось. Там были только хлопья пепла да горячий ветер, лениво ворошащий золу.

Алиса нахмурилась. Не сработало? Почему? Теперь она положила руки на колени и повторила желание, сверля взглядом пятачок пустого пространства перед собой.

И вновь ничего. Встряхнувшись, она осознала, что Тесак прекратил свою лихорадочную деятельность и заглядывает ей через плечо.

– Не думаю, что это так работает, – голос Тесака звучал почти нормально. Похоже, горячка, охватившая его, прошла.

– Много ты понимаешь, – фыркнула Алиса.

Она немного смутилась, словно ее поймали на какой-то шалости.

Тесак пожал плечами:

– Полагаю, я знаю то же, что и ты. А может, меньше.

– Тогда почему ты думаешь, что так не получится?

– Ты пытаешься создать что-то из ничего, – начал Тесак. – Когда ты захотела, чтобы Бармаглот превратился в бабочку и оказался в той склянке, у тебя прежде всего был Бармаглот. Когда ты разорвала связь с Чеширским, ты разорвала то, что уже имелось. Ты не начинала с ничего.

Алиса нахмурилась.

– А в тот раз, когда я оттолкнула от тебя Бармаглота? Я сделала что-то из ничего!

Тесак покачал головой:

– Нет. Ты взяла свой страх, свою любовь – и направила их на Бармаглота.

– Я хочу есть и пить, – проныла Алиса. – Почему же из этого не может получиться еда, если любовь и страх способны отогнать монстра?

– Ну, это ты у нас волшебница, – сказал Тесак и застыл в ожидании ее действий.

– Что-то из чего-то, – пробормотала Алиса. – Так много правил – всюду, куда ни ступи. Что толку быть волшебницей, если не можешь время от времени себя побаловать?

– Я бы сказал, что все известные нам волшебники только и делали, что баловали себя, – заметил Тесак и по-птичьи наклонил к плечу голову. – Слышишь?

– Что?

Алиса была занята – она сгребала золу, насыпая маленькие горки, каждую размером с мясной пирог, который она хотела бы получить.

Тесак встал и повернулся в сторону Города, прикрыв ладонью глаза от солнца.

– Что-то жужжит.

Теперь и Алиса услышала низкий, воющий гул, похожий на то, что издает не животное, но машина. Бросив свой пепельный проект, она встала рядом с Тесаком, невольно повторив его позу. В воздухе прямо над Городом зависло черное пятно.

– Что это? – спросила Алиса, пытаясь как-то совместить в сознании форму пятна и гудение.

Тесак медленно покачал головой:

– Не знаю, но поработала тут не природа. Ни одно насекомое не жужжит так.

– Ни одно насекомое не может быть таким большим, – сказала Алиса. – Если только оно не волшебное.

– Чеширский? – Тесак размышлял вслух. – Но к чему эта показуха?

– Да, кажется, он предпочитает держать свою силу в тайне. Любит действовать тишком.

Возможно, в Городе жил еще один, неизвестный им волшебник. Да, конечно, это было возможно – и даже вероятно. Само существование тех волшебников, с которыми они уже сталкивались, доказывало, что правительство города не смогло изгнать всех.

Гудение, несмотря на расстояние, сделалось громче. На глазах Алисы и Тесака черное пятно разделилось на несколько клякс поменьше.

– Летающие машины? – предположила Алиса.

– Такие маленькие? – усомнился Тесак. – Ты же видела их из окна психушки.

– Да.

Воздушные корабли всегда были огромными, серебристыми и неторопливыми. Их появление обычно напоминало шествие на параде и будоражило всех вокруг – с учетом того, как редко они появлялись в небе над городом и как мало развлечений было в лечебнице. Собственно, что-то веселое происходило только в те дни, когда санитары пытались вытащить Тесака на помывку. Иногда Алиса забавлялась тем, что подсчитывала, сколько носов и пальцев удалось сломать Тесаку, прежде чем персонал сдавался и оставлял его в покое.

Летающие штуковины приближались, и сопровождающее их жужжание вгрызалось Алисе в череп. Она зажала ладонями уши, и в этот момент Тесак потащил ее ко входу в туннель. Она озадаченно взглянула на него и, на миг убрав одну руку, как раз успела услышать слова:

– Что бы это ни было, не стоит нам оставаться на виду.

Тесак нырнул в пещеру и втянул за собой Алису, которая наверняка покатилась бы кубарем по склону, если бы он не сжимал ее предплечье с такой силой, что на коже останутся синяки. Вонзив в утрамбованную грязь локти и пальцы ног, Алиса снова зажала уши. Рядом трясся от возбуждения Тесак: шум взбудоражил его. Он казался натянутой тетивой, которую вот-вот отпустят.

«Ну вот, а ведь он только-только успокоился», – подумала Алиса.

Его припадки не слишком волновали ее, но в таком состоянии он бывал очень, очень импульсивным. Хоть бы он только не рванул сейчас наружу, привлекая внимание того нечто…

Шум вливался в жерло туннеля, просачивался сквозь землю и сквозь жалкую преграду из пальцев Алисы. Она чувствовала себя червем, зарывшимся в почву в поисках надежного убежища.

– Моя куртка, – охнула Алиса, вспомнив, что оставила ее на склоне холма.

А еще она вспомнила сложный узор, начерченный Тесаком на слое пепла. Какие бы существа ни летели к ним, Алиса надеялась, что они не заметят следов их присутствия.

Звук превратился в оглушительный скрежет задолго до того, как странные предметы проплыли у них над головами. Алиса даже на миг решила, что «пятна» пролетели мимо, а она и не заметила.

Потом одна за другой в вышине засверкали серебряные вспышки. Как будто косяк диковинных рыб чудом взлетел к облакам. И Алиса поняла, что перед ней действительно летающие машины, как она сперва и подумала. Но они не были похожи ни на одну из тех, что ей доводилось видеть прежде.

Не громадные величественные дирижабли с гигантскими баллонами и большущими пропеллерами, а тонкие «стручки», длиной, пожалуй, с рослого человека. У каждого «стручка» на конце имелся пропеллер, хотя Алиса и не понимала, как эти крошечные штучки могут оторвать машину от земли, а затем еще и двигать ее без помощи магии. Верхом на каждом «стручке» сидели человечки в черных обтягивающих костюмах, закрывавших их с ног до головы.

«Мама назвала бы такую одежду неприличной», – подумала Алиса.

Она покосилась на Тесака и заметила, что губы его шевелятся. Он считал про себя корабли, пока те не исчезли из вида, и пот струился по его вискам, так он старался держать себя в руках. Летуны, похоже, не заметили ни дыры в холме, ни узора на земле, ни куртки Алисы.

Выбравшись из туннеля, Алиса и Тесак еще долго смотрели вслед «стручкам», постепенно уменьшающимся и исчезающим за горизонтом.

– Не нравится мне все это, – сказала Алиса. – Я думала, как только мы сбежим из Города, этот самый Город больше не сможет нам навредить.

– С чего ты так решила? – спросил Тесак. – Чеширский и остальные выходили за границы Города. Само собой, те, кто стоит у власти, тоже на это способны.

– Да, конечно.

Однако Алиса была встревожена. Встревожена этими машинами, которых никогда раньше не видела. Встревожена их загадочными наездниками. Встревожена мыслями о том, что они могли преследовать что-то или кого-то за пределами Города. А вдруг кто-нибудь – министр, волшебник, врач – обнаружил, что Алиса и Тесак не погибли при пожаре? Что, если за ними охотятся?

Но она ничего не сказала Тесаку. Он только хмыкнет и скажет, что ни докторам, ни ее семье нет до них никакого дела. Или, наоборот, заявит, что, конечно же, их преследуют, и она почувствует себя глупой и наивной, оттого что не подумала об этом сразу.

Неожиданно Алиса осознала, что стоит перед рисунком, который так тщательно выскребал в грязи Тесак. Она присела на корточки, чтобы рассмотреть его получше.

Это была пятиконечная звезда, окруженная шестью звездами поменьше. Пять из этих звезд были одинакового размера, но верхняя, самая большая, казалось, плыла среди пепла. И чем пристальнее Алиса вглядывалась в нее, тем ярче та сияла – сияла так ярко, что было ясно: без магии тут не обошлось.

Алиса быстро поднялась, и звезда сразу же погасла, вновь превратившись в обычный рисунок.

– Что это? – спросила Алиса Тесака и указала на звезды.

– Знак Потерянных.

– Кто такие Потерянные? – Алиса перевела взгляд с рисунка на мужчину.

Тесак выглядел удивленным.

– Понятия не имею.

Алиса вздохнула.

– Значит, видение. Что-то, с чем нам придется столкнуться или что нужно будет сделать позже.

Алиса хотела было сказать, что его ясновидение оказалось бы более полезным, будь оно поконкретнее, но вовремя прикусила язык. Не такая уж она опытная волшебница, чтобы критиковать способности Тесака.

– Возможно, это как-то связано с Дженни.

Голос Тесака дрогнул. Он забыл свою дочь – и вновь вспомнил о ней, и теперь цеплялся за любой намек, за самую слабую надежду найти ее.

Алиса положила руку ему на плечо. Он перекинул руку через грудь и сжал ее пальцы. Казалось, что Тесак пытается удержать сам себя, чтобы не разорваться на части.

– Ну-ка посмотрим, смогу ли я состряпать пару пирогов из золы, – мягко сказала Алиса, убирая руку. – Похоже, путь нам предстоит долгий.

* * *

После нескольких попыток Алисе удалось сотворить два маленьких пирога (жирноватых, да и подливка не слишком удалась), четыре убогих яблочка и немного молока, настолько свернувшегося, что они тут же вылили его.

– По крайней мере, ты смогла приготовить еду, – философски заметил Тесак, жуя пирог. На зубах его что-то хрустнуло, и он выудил изо рта косточку.

Алиса пыталась убедить себя, что «кое-что» лучше, чем «ничего», но пирог все-таки был почти несъедобным.

– Может, он невкусный потому, что я сотворила его из золы?

Алиса вновь с тоской подумала о кремовом торте и горячем чае. Им бы сейчас хотя бы простой воды – смыть песчаный привкус пирогов.

Они прихватили яблоки, не зная, доведется ли в ближайшее время отыскать приличную еду, и зашагали туда, куда полетели «стручки». О Дженни они знали только то, что ее отправили на Восток. Город находился на западе, так что они двинулись в противоположную сторону.

Алиса старалась не думать о людях, улетевших из Города на странных машинах. Старалась не беспокоиться о том, что на этой пустоши они с Тесаком как на ладони, а кто знает, какое оружие припасено у тех летунов. Старалась не вспоминать о пистолете, припрятанном под курткой Тесака, пистолете с одной пулей для него и одной для нее на тот случай, если кто-то попытается схватить их и вернуть в лечебницу.

Да, она старалась. Но у нее ничего не получалось.

Вдалеке вырисовывалось несколько холмов, похожих на тот, из которого они недавно вылезли. Алиса размышляла, есть ли и в них туннели, а если есть, то куда эти туннели могут вести.

– Смотри, – Тесак показал на землю.

На золе отчетливо отпечаталась лапа. Лапа кролика. Очень, очень большого кролика.

– Кубышка! – воскликнула Алиса.

Она почти забыла о кролике, которого они спасли от Моржа, и группе девушек, сбежавших с ним из Города.

«Как же они, верно, расстроились, – с грустью подумала Алиса, – когда вышли из туннеля и обнаружили вместо обещанного им зеленого края это пожарище».

Алиса понимала, что ее собственное разочарование – ничто по сравнению с разочарованием тех девушек. Девушек, которых запирали в спальнях с незнакомыми мужчинами, а некоторых и в клетках – и оставляли на съедение их кошмарному похитителю.

– Интересно, они намного опередили нас? – пробормотала Алиса.

– Едва ли, след-то четкий, – откликнулся Тесак. – Правда, тут не слишком ветрено.

Алиса вглядывалась вперед, надеясь увидеть движущиеся у горизонта фигуры, но повсюду вокруг простиралось все то же унылое однообразие, и единственными живыми существами здесь были они двое.

Так что Алиса смирилась с еще одной долгой, утомительной «прогулкой» и побрела по золе, позволив мыслям унести ее далеко-далеко.

– Как ты это сделала, Алиса?

Голосок маленькой девочки – Дор. Полный удивления и – как Алиса теперь понимала – зависти.

– Я не знаю!

Обе они разглядывали два маленьких сверкающих камешка, появившихся на ладони Алисы.

Она держала голубую незабудку, сорванную тайком в ухоженном саду матери, и думала о том, что лепестки цветка похожи в лучах солнца на крохотные драгоценности – и вдруг они и правда превратились в драгоценные камни.

«Ну и что толку, – подумала Алиса, – делать самоцветы из цветов?» Жаль, что она никогда не творила хлеб из грязи. Тогда она сейчас бы знала, чем им набить животы.

Последние десять лет Алиса жила впроголодь, но в лечебнице это не особенно ее беспокоило. В основном потому, что ее все время пичкали лекарствами, так что все вокруг плыло и было словно во сне.

С тех пор как они сбежали, она почти постоянно ощущала ноющую, грызущую боль в животе, чувствуя, что никогда не сможет насытиться, – и чувство это усугублялось вечной угрозой: угрозой плена, пыток, смерти.

Чего Алисе действительно хотелось, так это сесть и нормально поесть, а потом поспать, долго и сладко, а еще – хорошенько вымыться, вымыться в настоящей медной ванне, полной горячей воды, налитой из чайников, среди сладко пахнущих пузырьков мыльной пены. За последние дни самым близким к мытью процессом было то «купание» в озере посреди лабиринта Чеширского. Она переплыла его, чтобы спасти Тесака от существа, что там обитало.

После этого было много крови, много драк, много грязи, и Алиса, осознавая, какой запах исходит от нее теперь, чувствовала себя весьма неловко.

Солнце закатилось, взошла луна, и пустошь вокруг них вдруг словно бы ожила, наполнившись существами – шныряющими, ползающими, роющимися в саже, так что Алиса поспешила оказаться поближе к Тесаку.

Серые глаза Тесака сверкали в лунном свете, точно кошачьи, – и точно так же сверкало лезвие его топора. Наступила ночь – его время, его стихия, и Тесак собирался показать невидимым охотникам, что на него им охотиться не стоит.

Алиса тоже достала нож, стыдясь своего страха. Она сталкивалась с людьми и животными куда более опасными, чем любая шныряющая тут мелкота. Все здешние обитатели были крохотными и походили скорее на обман зрения, чем на живых существ. Они никак не могли представлять собой такую же угрозу, как, скажем, Морж.

Внезапно в небесах вспыхнул слепящий свет, такой яркий, словно не ко времени пробудившееся солнце устремилось прямо в зенит, торопя луну убраться подальше. Алисе показалось, что это факел, поскольку свет мерцал, точно в камине. Хотя пламени такого размера попросту не может быть, да ведь?

«А как же тот огонь, что спалил эту землю, дуреха?» – подумала она.

Свет открыл им то, что таила тьма. Пространство вокруг Алисы и Тесака было усеяно десятками маленьких существ. Глазки их сверкали, отражая желтое сияние, озарившее ночь. Сперва Алиса решила, что это горностаи, но, приглядевшись, поняла: на горностаев они не слишком похожи. Ведь ни у одного горностая, которого доводилось видеть Алисе, не было таких длинных кривых клыков и бешеных красных глаз.

– Алиса… – Тесак глядел туда, откуда вырвался ослепительный свет. Голос его оставался спокойным. – А что, если Дженни ненавидит меня?

Вот что было причиной всех его терзаний и размышлений, хотя лучше бы, конечно, Тесак отложил обсуждение данного вопроса до того момента, когда они уже не будут находиться в потенциально смертельной опасности.

– Очень может быть. – Алиса аккуратно обошла Тесака и встала с ним спина к спине. Она чувствовала, что лучше не лгать; и, кроме того, обнаружила, что вообще не способна солгать Тесаку. – Маленькие девочки думают, что их отцы могут все, что они спасут их от любой опасности. Отец – самый сильный человек в мире.

Алиса помнила, как ее отец убил забравшуюся в дом крысу. Она тогда была маленькой, но поступок папы восхитил ее. Алиса считала в тот момент, что ее папа – величайший на свете герой.

Наверняка Дженни плакала каждую ночь, думая о своем отце. А он все не приходил, и она научилась презирать его за то, что он не спас ее.

– Я бы спас ее, если бы помнил о ней, – сказал Тесак в затухающем свете. – Я бы убил любого, кто прикасался к ней, любого, кто причинил ей вред. Я искромсал бы их, порубил на куски, как порубил тех, кто убил ее мать. Но не думаю, что ей сейчас это особенно важно.

– И я не думаю, – вздохнула Алиса.

Горностаи – или кем там они были на самом деле – подходили ближе. Они издавали негромкое утробное шипение. То была не свистящая змеиная песня, но грубый, угрожающий звук, слишком резкий в царившей вокруг тишине.

Перед мысленным взором Алисы промелькнула неприятная картинка: вот крохотные злобные зверьки окружают их, наваливаются всей кучей, сдирают с костей плоть, а Алиса все кричит и кричит, пока предсмертный вопль не обрывается…

– Нет, – сказала она.

Зверьки остановились. Теперь, когда вспышка света превратилась в далекое зарево, их мордочки уже трудно было разглядеть. Но «горностаи» дружно наклонили головы набок в этаком собачьем любопытстве.

– Нет, – повторила Алиса, на сей раз вложив в слово силу, и воздух замерцал от магии. – Дайте нам пройти.

Последняя искра света исчезла, оставив людей и зверей в полной темноте, еще более густой и плотной, чем раньше. Но сейчас Алисе не нужны были глаза.

Она еще так многого не понимала в магии. Но в ее словах была сила, и существа вняли ей, хотя Алиса и не знала почему. Ночь вновь стала такой, какой ей

положено быть, – темной и полной звезд.

Все окружившие их похожие на горностаев зверьки замерли, пропуская Алису и Тесака; молчание их казалось даже почтительным.

Тесак вздохнул, и Алиса скорее почувствовала, чем увидела, как расслабилась его рука, сжимавшая рукоять топора. Она знала, что он разочарован. В душе Тесак был убийцей, и его так и подмывало показать свое мастерство; он жаждал услышать хруст костей и плоти под лезвием топора, окропить себя горячими брызгами чужой крови. И он жалел о любой упущенной возможности насладиться дикой смертью и побоищем.

Алиса знала все это, знала, что его душа жаждет этой разрядки. А еще она понимала, что он каким-то необъяснимым образом, но все же был хорошим человеком, и именно это сдерживало убийственные наклонности Тесака. По большей части.

Алиса не знала, много ли они прошли в ту первую ночь, но мысль о сне так и не пришла ей в голову. Улечься в пепел, оказаться уязвимой, не понимая, что творится вокруг, – нет, эта идея отнюдь не казалась разумной. Пускай «горностаи» и не напали сейчас – это не означало, что в будущем они не воспользуются шансом, если таковой представится.

Кроме того, Алису донимала постоянная тревога. Мысли беспрестанно носились в ее голове, и Алиса не представляла, как их успокоить, чтобы уснуть. Она была убеждена (довольно наивно, как теперь оказалось), что, покинув Город, они избавятся и от его влияния. Странные летающие машины с их загадочной миссией явно указывали на то, что надеяться на это не стоит, что Город, точно жирное живое чудище, тянет и тянет куда-то свои мерзкие щупальца. Интересно только, насколько эти щупальца длинные?

Алиса хотела расстаться со своей жизнью в Городе, сбросить ее, как змея кожу. Она боялась, что ее вернут в ту жизнь, лишив свободы. А еще ей хотелось оказаться как можно дальше от Чеширского. Вдруг он решит, что она слишком ценна, и не позволит ей сбежать?

Наверное, Алиса все-таки задремала, потому что секунду назад она видела тяжело ступающие по черной золе черные тени своих ног – и вот уже над

головой сияет солнце, а она, как ребенок, прижимается к груди Тесака.

Он мерно шагал по этой странной пустыне, словно не замечая тяжести девушки, которую нес на руках. Алиса заморгала от резкого света – и заметила несколько больших птиц, кружащих в вышине.

– Лучше опусти меня, Тес, – попросила Алиса. – Эти птички явно высматривают добычу.

– Да, только не нас. – Тесак поставил ее на ноги. Провел ладонью по ее коротким волосам, потом по щеке, задержав на миг руку. Потом ткнул пальцем прямо перед собой. – Что бы они ни искали, оно вон там.

Впереди над гладью ландшафта возвышались какие-то бесформенные черные кучки. Но поскольку, куда ни глянь, все было плоским и одинаковым, трудно было сказать, как далеко они находятся.

Алиса совсем не хотела знать, что там. Определенно ничего хорошего, а такого она уже насмотрелась вдоволь. Но они шли на восток, и темные силуэты бугрились как раз у них на пути.

Добравшись до того места, к которому слетелись стервятники, Тесак немного развеселился и принялся гоняться за птицами с топором. А Алиса в смятении уставилась на тела. Сваленные грудой, они так обуглились, что остатки плоти на костях едва ли стоили внимания падальщиков.

– Что их сожгло? – подумала вслух Алиса, приближаясь к трупам. И остановилась. Сердце подпрыгнуло, подкатилось к горлу, душа ее.

– То же, что спалило дотла все поле, полагаю, – ответил Тесак. – То же, от чего небо ночью пылало.

Тесак перебросил топор из одной руки в другую и зыркнул на воинственного стервятника, не пожелавшего убраться вместе со своими сородичами.

– Тесак, – окликнула спутника Алиса.

Он, словно и не услышав, шагнул к птице, которая, повернувшись к человеку спиной, деловито копалась клювом под крылом.

– Тесак, – повторила Алиса, и на этот раз ей удалось достучаться до его сознания, затуманенного кровожадностью.

– Что? – спросил он, выпрямившись.

Падальщик оглянулся, заметил, как близко подошел к нему Тесак, и улетел прочь.

– Кубышка, – показала Алиса на труп.

Теперь, поняв, что это, Алиса различала обугленные очертания кроличьего уха, тонкие девичьи ребра и округлость почерневшего ботинка.

– Не так это должно было кончиться для них, не так. – Горе Алисы грозило выплеснуться наружу, разлиться по пустоши, накрыть трупы тех, кто хотел найти лучшую жизнь. – Они должны были обрести счастье среди зеленых полей.

«Все напрасно», – подумала Алиса. Их страдания, их побег. Внезапно она почувствовала, что ни у нее, ни у Тесака, в сущности, нет надежды.

– Мир пожирает нас, жует и проглатывает, – сказал Тесак, точно прочитав ее мысли. – Думаю, счастливый конец – это просто случайность.

– Но мы же все равно на него надеемся. – Алиса с грустью вглядывалась в то, что осталось от лиц девушек, которые тоже надеялись на счастливый конец.

«И прежде всего мы надеемся, что умрем не столь ужасной смертью».

Они зашагали дальше, оставив позади останки гигантского кролика и девушек. А как иначе? Алиса попыталась оставить позади и печаль, но та накрепко въелась в ее сердце.

К рассвету третьего дня Алису уже откровенно тошнило от пустыни, и тут уж не имело значения, была ли она создана природой или человеком. Было жарко и

сухо, и солнце палило безжалостно. Увидь Алиса луч солнца в Старом городе, ее бы охватил неописуемый восторг, но теперь ей жутко хотелось, чтобы хотя бы одно облачко заслонило их от этого бесконечного света.

Каждый день они ложились спать, когда солнце стояло в зените и любое разумное существо пряталось от него. Длиннозубые «горностаи» их не беспокоили, хотя некоторые из них время от времени шли по следам Алисы и Тесака, с любопытством принюхиваясь.

И каждую ночь небо неизменно озаряла странная вспышка, хотя загоралась она всякий раз в разных местах. Чем дальше они продвигались на восток, тем больше свет смещался за их спины. Загадочные люди на летающих машинах больше не появлялись. Алиса гадала, были ли они причиной этого непонятного света или же, наоборот, искали его источник.

Взобравшись на холм, один из немногих, попавшихся им на пути, Алиса остановилась рядом с Тесаком.

Мужчина поднял руку, указывая на то, что, очевидно, считал галлюцинацией.

– Это что, взаправду? – спросил он.

Алиса заморгала, но галлюцинация никуда не делась.

С холма, на котором они стояли, открывался вид на небольшую долину. Где-то на полпути вниз по склону поле пепла резко обрывалось, словно остановленное невидимой стеной. Дальше были зеленая трава, и благоухающие сосны, и цепь холмов, тянущаяся к далеким, нахлобучившим снежные шапки горам.

Через маленькую долину вился серебристо-синий ручей, возле которого стояли рядами аккуратные, похожие на кукольные, домики. Из труб тянулся дымок, несущий запахи готовящегося завтрака.

– Ты это видишь? – спросил Тесак.

– Да, – с облегчением выдохнула Алиса.

Ей уже казалось, что они никогда больше не увидят воды, не заснут там, где нет пепла. Она и забыла, каково это – смотреть на мир, когда глаза не забивает песок, или дышать, не вдыхая при этом крохотные частицы пыли. Она страшно вымоталась и была слишком голодна, чтобы побежать вниз по склону – и наверняка бы, упав, расквасила нос, если бы попыталась, – но, спускаясь, она все же ускорила шаг – как сумела.

А Тесак вырвался вперед, как всегда словно и не замечая усталости и голода. Добравшись до ручья, он швырнул мешок на берег и, ринувшись в воду, окунулся в нее с головой и принялся плескаться, как радостный пес.

Алиса, безусловно, понимала, насколько она грязная, и ей было неловко, но в то же время она с опаской поглядывала на расположившуюся поблизости деревеньку. Ее обитателям может не понравиться, что два незнакомца плавают в их водоеме.

Она опустилась на колени и, окунув руку в ручей, поднесла ко рту пригоршню воды. Чистой, прохладной, восхитительно вкусной. Алиса никогда не пила ничего подобного, даже когда жила в Новом городе. В одном глотке словно бы собрались разом талый снег, сладкий мед, летние цветы и осенний ветер. А ей так хотелось пить. Лакать, хлюпать, захлебываться, окунув лицо в ручей, – и пить, пить, пить, пока не раздуется, как паук, насосавшийся соков множества мух.

Но Алиса знала, что так у нее лишь разболится живот, особенно после стольких дней без нормальной еды и питья. Так что она ограничилась несколькими осторожными глотками, только чтобы избавиться от жуткой сухости в горле. Потом она умыла лицо, руки и шею и плеснула немного воды на волосы, надеясь, что ее запах не оскорбит никого из обитателей деревни, которых им доведется встретить.

Впрочем, амбре, которое источал вылезший из ручья и плюхнувшийся на берег Тесак, никуда не исчезло, хотя он и окунулся целиком. От одежды его поднимался пар вместе с кислой вонью, наводя на мысли о собаке, только что искупавшейся в сточных водах, текущих вдоль тротуаров Старого города.

Какое-то время они просто лежали на солнце, наслаждаясь прикосновениями ветерка, гладящего их лица и волосы, теплыми запахами зелени и уютом черной

земли, на которой все растет, а не гибнет. Потом Тесак сел, ноздри его раздулись, и секундой позже Алиса тоже уловила аромат.

– Хлеб, – выдохнула она благоговейно.

Она уже чувствовала на языке этот вкус: вкус хлеба, намазанного толстым слоем свежего сладкого масла и ягодным джемом, вкус, наполняющий все ноющие, зудящие пустоты под ребрами. А может, там будет еще и чай, или молоко, или мягкий сливочный сыр. Или даже торт.

Не осознавая, что делает, Алиса поднялась и пошла на запах хлеба. Тесак опять опередил ее на пару шагов; он шел, задрав нос, точно зверь на охоте, вынюхивающий добычу. Обнаружив узкую протоптанную тропинку, они двинулись по ней и добрались до окраины деревушки.

Все дома здесь были маленькими и ухоженными, с дочиста выметенными крылечками и прелестными цветами – голубыми, розовыми, желтыми, – растущими в подвешенных под окнами ящичках. Два ряда домов выстроились друг напротив друга вдоль главной дороги, ведущей к небольшой площади с фонтаном, из которого била такая же восхитительно чистая вода, как в ручье. Принадлежность каждого здания на площади легко можно было установить – и вовсе не по табличке, на которой значилось бы имя владельца и род его занятий, но по маленькой картинке на стене. Шляпка – для модистки, подкова – для кузнеца, буханка хлеба – для пекаря.

Эти значки лишь усиливали ощущение того, что деревенька какая-то не настоящая, и ощущение это подкреплялось отсутствием людей. У фонтана Тесак остановился, и Алиса заметила, что поза его изменилась. Он больше не был похож на принюхивающуюся собаку: Тесак уже достал свой топор и сжимал рукоять так крепко, что костяшки пальцев побелели.

Аромат свежего хлеба сделался тут сильнее, и немудрено, ведь пекарня находилась прямо напротив. Алиса тоже потянулась к своему ножу, решительно игнорируя урчание в животе.

– Это неправильно, – заявил Тесак. – Где все жители?

– А что, если нам заглянуть внутрь? – предложила Алиса. – Может, они просто опасаются незнакомцев. Они же одни здесь, в долине у самой пустыни. Новые люди, должно быть, появляются тут нечасто.

– Полагаю, – проворчал Тесак, – это означает, что ты опять хочешь, чтобы я убрал топор?

Алиса хихикнула, но этот смешок, как ни странно, снял напряжение. Она убрала нож.

– Разве встреча с немного подозрительными, но добросердечными деревенскими жителями для тебя не предпочтительнее необходимости прорубаться сквозь толпу врагов?

Тесак только крякнул – он не возражал бы против любого варианта. Задавшись вопросом, как он подавлял свои порывы, когда лежал в лечебнице, Алиса вдруг с удивлением поняла, что он вовсе и не подавлял их. Много ночей она засыпала под стук кулаков Тесака, мутузившего обитую войлоком стену, избивавшего ее так размеренно и целеустремленно, что Алиса была уверена: однажды она проснется и увидит его руку, выросшую из стены, точно древесный гриб.

Конечно же, первым делом Алиса решила проверить пекарню, где надеялась встретить дружелюбного пекаря, а заодно и плотно позавтракать. Они с Тесаком поднялись по ступенькам, заглянули в окошко и увидели выстроившиеся на полках ряды булок и кексов – но не заметили ни одной живой души. Тогда по молчаливому обоюдному согласию они попробовали открыть дверь – и та легко поддалась под рукой Алисы. Хоть Тесак и убрал топор, вид у него был взвинченный: он готов был, чуть что, броситься в бой.

– Эй? – позвала Алиса.

Ни малейшего шороха, никаких признаков того, что тут кто-то есть. Однако все продукты выглядели свежими, только-только испеченными, да и пахли соответственно. От голода у Алисы закружилась голова.

– Ау? – крикнула она снова.

В голове мелькнула странная мысль, что, возможно, жители этой деревни не говорят на ее языке и не понимают ее слов.

«Но на зов-то они все равно должны ответить, – подумала она. – Не станут же они прятаться под столом просто потому, что не поняли чье-то “эй”?»

Алиса и Тесак переглянулись; в глазах их читалась одна и та же мысль.

– Думаю, мы можем взять немного еды, если, конечно, заплатим за нее, – с надеждой сказала Алиса.

– У меня еще осталось немного золота тех работорговцев, – ответил Тесак.

Алиса уже заметила огромный кусок желтого торта, покрытый толстым слоем лавандовой глазури, и с губ ее сорвался тихий стон. Желтый торт и цветная глазурь. Все как она любит!

Лакомство оказалось у нее во рту прежде, чем она вообще поняла, что пересекла комнату. Невероятная сладость взорвалась на языке – влажная зернистость мякиша, густая, тающая маслянистость глазури. Кусок исчез в мгновение ока, а у Алисы закружилась голова от сладости и восторга. Она опустилась на пол, ожидая, когда приступ дурноты пройдет.

Довольно скоро она пришла в себя и посмотрела на Тесака, смущенная собственным поведением. Но ей не стоило беспокоиться, поскольку Тесак сидел на полу напротив нее, окруженный тем, что стащил с полок. Занятый набиванием рта, он вовсе не обращал на нее внимания.

Алиса медленно встала и выбрала две буханки хлеба, прихватив заодно немного бумаги. Одну буханку она завернула целиком, другую разломила пополам, отложив половинку на потом. Вторую половинку она съела – аккуратно, тщательно прожевывая, смакуя каждый кусочек.

За все то время, что Тесак и Алиса были в пекарне, никто так и не появился – ни владелец лавочки, ни какой-нибудь покупатель из деревни. Когда Тесак наконец насытился, они смели крошки («Улики», – подумала Алиса), оставили, не скупясь, пригоршню золота в уплату за съеденное, засунули еще кое-какие припасы в

мешок Тесака и вышли из пекарни.

Снаружи, на площади, ничего не изменилось, там царили все те же тишина и неподвижность, хотя тишина теперь отчего-то стала уже не такой зловещей. Алиса решила, что на полный желудок все кругом кажется немного лучше.

Солнце стояло почти в зените, но маленькая деревенька оставалась прохладной и тенистой. Тесак с Алисой обошли площадь, заглядывая в каждый магазинчик, звали хоть кого-нибудь.

И всюду они обнаруживали одно и то же: разложенные товары, все свежие, чистые, не запыленные – и никаких людей. Как будто нынче утром жители деревни проснулись и тут же ушли, бросив все.

Учитывая состояние их одежды и скудость припасов, Алиса и Тесак сочли возможным уделить время сбору необходимого. Вдобавок к хлебу они прихватили сыр и фрукты, а еще заплечный мешок для Алисы, веревки и одеяла.

Алиса избавилась наконец от плохо сидевших на ней штанов, приобретя новую пару, а заодно и чистую рубашку, хотя на витрине красовались прелестные платья, совсем как в городском магазине. Она потрогала одно: из легкого хлопка, расписанного голубыми цветами.

– Тебе бы пошло, – заметил Тесак.

Алиса поспешно отдернула руку, залившись румянцем.

– Это непрактично, – сказала она. – В любом случае я слишком высокая, чтобы влезть в него, и я уже привыкла к штанам.

«Кроме того, в штанах куда легче бегать».

Она не забыла об опасностях, оставшихся позади, и помнила о тех, что еще могут поджидать их впереди.

Алиса аккуратно сложила старые брюки, скатала их и положила на дно мешка. В кармане брюк все еще была спрятана склянка с Бармаглотом, от которой она так

и не избавилась.

Переодевшись в чистое, Алиса пожалела о том, что не искупалась тогда в реке вместе с Тесаком. Свежесть новой одежды, казалось, только подчеркивала целые грязевые отложения на ее коже.

Во всех пустых магазинах они оставляли монеты – столько, сколько считали справедливой платой за выбранные товары.

– В конце концов, – рассуждала Алиса, – что, если они просто отправились на праздник или что-то в этом роде? Что бы они почувствовали, вернувшись и обнаружив, что их обокрали?

– А что, если кто-то придет следом за нами и заберет и наше золото, и их товары? – возразил Тесак.

– По крайней мере, мы будем знать, что поступили правильно. Кроме того, кто может за нами прийти? Мы не видели ни одной живой души, пока брели по этой проклятой пустоши.

«Если не считать людей из Города», – подумала Алиса, но вслух ничего не сказала.

– Прийти в деревню можно не только через пустыню, – Тесак кивнул на горы. Но деньги он все же оставил – потому что так захотела Алиса.

Купив все, что нужно, Алиса с Тесаком вернулись к фонтану в центре городка. Тесак, задрав голову, поглядел в небо.

– Солнце садится. Мы можем переночевать здесь, вместо того чтобы рисковать, отправляясь в горы.

– Это ужасно – спать в чьем-то доме без приглашения, – сказала Алиса. – А что, если хозяин вернется и обнаружит тебя в своей кровати?

Она вспомнила сказку, которую рассказывала ей одна из гувернанток, – о маленькой девочке, которая вошла в чужой дом. Девочка посидела на трех

стульях, поела каши из трех мисок и повалялась на трех кроватях. И за то, что она была слишком любопытна (а еще, по мнению Алисы, слишком груба), маленькую девочку съели три медведя, которые жили там. Она пересказала эту историю Тесаку, и он посмотрел на нее с любопытством:

– Ты боишься медведей?

– Ну, нет, – призналась Алиса. – Но мораль все та же. Вспомни, с какими чудовищами мы сталкивались после побега… кто знает, что за люди живут в этих домах? Мы можем уснуть, а, проснувшись, обнаружить безумца с занесенным над нами ножом.

– Я – безумец с ножом, – возразил Тесак. – Да и ты сама орудуешь клинком будь здоров.

Алису это замечание даже возмутило, поскольку она считала, что убивала только ради самозащиты или по необходимости. Она не такая, как Тесак, который, оставь его без присмотра, устроит кровавую баню просто забавы ради.

– Но мы можем переночевать и тут, на площади, если тебе так больше нравится, – предложил Тесак.

– Да, – кивнула Алиса. – Но сперва я хочу помыться.

Они вернулись к ручью. Тесак, не смущаясь, откровенно наблюдал, как Алиса раздевается. Она знала, что ей не следовало бы позволять ему это делать – это неприлично для незамужней девушки. Но он уже видел ее без одежды, обнимал ее, когда она стояла, обнаженная, в гостевой комнатенке Бесс. И хотя Тесак никогда не навязывал ей своего внимания, их связь была куда крепче близости любых мужа и жены. Такая близость возникает, когда вы убиваете друг за друга, уберегая другого от опасности.

Алиса вошла в чистый прохладный ручей и принялась соскребать с кожи и волос многодневные наслоения грязи и пота. Тесак не отводил от нее глаз. Потом она вылезла на берег, обтерлась кое-как ладонями, смахнув с тела капли, и натянула новую одежду.

Тесак остановил ее руки, потянувшиеся к пуговицам рубашки, и сам аккуратно застегнул их. Его пальцы легко касались ее влажной кожи. Когда он закончил, она обнаружила, что все это время не дышала. Потом он улыбнулся, повернулся и зашагал к деревне. Алиса последовала за ним, чувствуя себя не в своей тарелке и не вполне понимая почему.

Солнце уже скрылось за пустынным горизонтом. Они разложили одеяла рядом друг с другом, под деревенским фонтаном, и Алиса уютно устроилась под мышкой Тесака. Она была уверена, что не сможет заснуть, что странная атмосфера деревни лишит ее покоя. Но сытый желудок и чистая одежда сделали свое дело, а то, что земля была твердой, – так это куда лучше песка, имеющего скверную привычку проникать под одежду и вызывать при пробуждении дикий зуд.

Алиса отключилась мгновенно; дыхание поднимало ее грудь и грудь Тесака в едином слаженном ритме. Она спала, и ей снился сон.

Ей снилась исполинская тень, нависшая над ней. На ее глазах тень эта разделилась натрое. Потом послышался скрежет, как будто по земле протащили что-то тяжелое. Потом тьма заговорила.

– Мы не можем, – сказал первый голос.

– В каком смысле – не можем? Они же прямо перед нами, – произнес второй голос.

– Мы не можем; они не нарушили правил, – встрял третий.

– Ни единого, – скорбно подтвердил первый голос, и Алиса увидела, как тень качнулась из стороны в сторону, словно бы говоря «нет».

– В каждом магазине осталось золото, – проговорила третья тень. – И они даже не пили из фонтана.

– Но я голоден, – возмутилась вторая. – Путешественников тут не было целую вечность.

– Ну, это его рук дело, не так ли? – проворчала первая. – Сжигает все, что видит…

– Все равно тут одни кожа да кости, – сказала третья тень. – Только силы зря потратишь, жуя да глотая.

– Ну, этот вот тощий, – заметила вторая тень, и у Алисы возникло странное чувство, что она указывает на нее. – Но другой выглядит здоровехоньким, в нем много мяса.

– Мы не можем, – повторила первая тень, и на сей раз она была категорична. – Есть правила, и мы должны их соблюдать. Или ты хочешь, чтобы она разозлилась?

– Нет, – голос второй тени прозвучал мрачно и испуганно.

Затем тени отодвинулись, но их сменила другая – гигантский черный призрак с крыльями, заслонившими небо. Резко похолодало, а потом вдруг ночь наполнилась пламенем, пламенем, озарившим небеса, так что луна стала ярче солнца. Огонь словно обрел собственный голос; его рычание и шипение переходило в восторженный вой – и он жег, жег и жег.

А под воем скрывалось еще что-то – нечто, исполненное жуткого, опасного ликования.

– Алиса. Не забывай меня.

Глаза ее распахнулись. Над горами сияло солнце. Все было тихо и спокойно. И никого рядом, кроме Тесака – и эха голоса Бармаглота в голове.

– Я собираюсь забыть тебя, – негромко и яростно заявила Алиса. – И забуду!

Наверное, ей показалось, что из глубины мешка, из склянки, спрятанной в кармане старых штанов, плотно скатанных и засунутых под кучу новых припасов, раздался короткий смешок. Да, наверное, показалось, и не было никакого хихиканья – лишь отзвуки кошмара, сожженного рассветом.

Тесак проснулся вместе с Алисой. Она поняла это по тому, как напряглось его тело – он был настороже, пускай и не двигался. Она пошевелилась, собираясь вставать, и он убрал руку, обнимавшую ее талию.

Они молча скатали одеяла и вскинули мешки на плечи. Покончив с делами, Алиса спросила:

– Тес, ты слышал их ночью?

– Нет, – ответил он. – Но я вижу их следы.

И он указал на траву, примятую огромными ногами… и еще чем-то. Чем-то, что волочилось за этими ногами, оставляя за собой длинную борозду. Чем-то, что могло быть молотом или дубинкой.

Трава была примята совсем рядом с тем местом, где лежали Алиса с Тесаком, как будто неизвестные существа топтались над ними ночью.

– Кто это был? – спросила Алиса.

Тесак беспечно пожал плечами, но Алиса понимала, что он вовсе не столь бесстрастен, каким желает казаться.

– Кто бы это ни был, что-то неохота с ними встречаться. Пойдем отсюда. Нам еще топать и топать, чтобы перебраться через горы. Уйдет несколько дней…

Он потянулся к фонтану, сложив ладонь чашечкой – то ли чтобы попить, то ли чтобы плеснуть воды на лицо. Но Алиса успела оттолкнуть его руку.

– Нет! – Она не знала, был ли ночной разговор реальным или воображаемым, но рисковать не хотела. – Лучше возьмем воду из реки.

Пальцы Тесака прошли в миллиметре от шипучей струи.

– Почему?

– Можешь поверить мне на слово? – Алиса схватила его за локоть и потащила прочь, а потом добавила вполголоса: – Я скажу, когда мы окажемся за границами города.

Шея Алисы зачесалась, как будто кто-то сверлил ей взглядом затылок. Кто-то, думающий о том, чтобы схватить, сдавить, скрутить, сломать эту шею с хрустом. Вчера деревня выглядела жутковатой, но не опасной по-настоящему. Сегодня опасность, казалось, была разлита повсюду; даже воздух загустел от нее, и дышать стало тяжело.

Деревня кончилась так же внезапно, как началась. За ее пределами не было ни домов, ни лачуг, ни сараев. Кроме того – Алиса сообразила это только сейчас, – не было никаких признаков того, что кто-то возделывает тут поля или разводит животных.

Кто выпекал хлеб, где он брал яйца и муку, если в пыли не копошились клюющие зернышки куры и не золотились рядом обильные нивы? Едва ли в этот обособленный уголок продукты поставлялись из ближайшего города.

– Ох, почему же мы не увидели этого сразу?

– Чего не увидели? – не понял Тесак.

Он позволил Алисе подвести себя к ручью, бегущему вдоль деревни. Поток, весело прыгающий по серо-белым камням, в одном месте расширялся, образуя небольшой бассейн, в котором и искупалась вчера Алиса.

– Это колдовство, – сказала она и сразу уловила в воздухе запах чар и увидела слабое мерцание, окутывавшее деревню, точно туман.

Тесак умылся и напился из реки и наполнил водой бурдюк. Потом он повернулся, чтобы еще раз взглянуть на дома.

– Это все не настоящее?

Алиса покачала головой.

– Настоящее. Но сотворено магией, а не человеческими руками.

Какой же она была глупой, даже не верится, хотя, если уж быть до конца честной, не стоило забывать, что они притащились сюда иссушенные солнцем, опаленные, вымотанные, почти умирающие от голода. Алиса решила: с учетом обстоятельств, ее можно и простить за то, что она не распознала заклятья сразу.

Тем не менее в будущем им нужно быть более бдительными. Здесь магии больше, чем в Городе. Волшебников ведь изгнали, а значит, внешний мир представляет для Алисы и Тесака еще бо?льшую опасность.

– Зачем создавать фальшивую деревню? – спросил Тесак.

– Это ловушка, – объяснила Алиса и повторила разговор, который услышала (а может, увидела во сне) прошлой ночью.

– Наверное, нам повезло, что ты такая честная, – сказал Тесак. – Если бы мы не заплатили за то, что взяли, у нас были бы крупные неприятности.

– Возможно, мне все это почудилось, – признала Алиса. – Ведь я считала, что права, оставляя деньги, вот и захотела во сне поблагодарить себя.

Тесак ухмыльнулся:

– Чувствуешь себя очень умной?

– Если это спасло нам жизни, полагаю, я имею на это право, по крайней мере во сне.

Ухмылка его увяла.

– Следы-то тебе не приснились. Какое-то существо точно подходило к нам ночью. Только вреда нам не причинило – то ли потому, что в этом не было нужды, то ли не захотело, а может, его сдерживала некая внешняя сила. «Она». Интересно, кто это?

– Исходя из сказанного, «она» – та, кто создал это место, а значит, она очень могущественна.

Уже во второй раз Алисе захотелось поговорить с Чеширским, и это желание ее порядком рассердило. Маленький волшебник едва ли был им другом, да и союзником был опасным, но у него, по крайней мере, имелись опыт и знания. И по какой-то неизвестной ей причине Алиса ему нравилась.

Возможно, она поступила глупо, разорвав их связь. Ей не помешал бы сейчас совет кого-то опытного и знающего. Хотя бы для того, чтобы выяснить, как опознать магию до того, как ее используют против них с Тесаком.

– Полагаю, те торты и булки не были отравлены, – сказала Алиса и услышала сомнение в собственном голосе.

– Если и нет, сейчас уже ничего не поделаешь, – хмыкнул Тесак.

«Это правда», – подумала Алиса. Как и то, что уже не в первый раз в своей жизни ей захотелось вернуться назад, исправить сделанное, принять другое решение. Сколько раз она мечтала о том, чтобы не быть в шестнадцать лет такой любопытной, не желать острых ощущений, не потащиться по глупости за Дор в Старый город, туда, куда не следует ходить приличным девушкам?

Но если бы она не пошла с Дор, не испытала бы того, чего никогда не должна испытывать невинная юная девица, то никогда бы не встретила Тесака – и не могла бы даже пожалеть об этом.

Ни один мужчина Нового города не мог бы любить ее так, как любил Тесак, – это Алиса знала наверняка. Его глубокое, всепоглощающее чувство отчего-то никогда не душило ее, не давило на нее. Оно было искренним, в нем не было корысти. Он ни о чем не просил и в то же время не скрывал своего желания. Тесак – он один такой на свете, и, не будь она сумасшедшей, у нее не было бы этого Тесака.

Поэтому не стоило мечтать о том, чтобы изменить прошлое, а нужно было научиться принимать его последствия и помнить, что не все они – скверные.

Они ели еду в заколдованной деревне. Значит, и результат этого поступка тоже нужно принять.

«Хотя, – размышляла Алиса, – было бы прекрасно, если бы деревня была просто деревней».

Ах, как бы она обрадовалась, если бы хоть раз вещи оказались именно такими, какими она их видела!

Они шли вдоль ручья примерно до полудня – он вел в сторону гор, а никакой приметной тропинки рядом не наблюдалось. Иногда в воде мелькали серебристые тельца рыбешек, и, когда время близилось к обеду, Тесак решил попытать счастья и порыбачить.

– Но ты ничего не знаешь о рыбалке, – запротестовала Алиса. – Ты всю жизнь прожил в городе.

– Ну, вряд ли это так уж трудно.

Тесак стянул рубашку и куртку, сбросил ботинки. Потом закатал штаны до колен, явив свету мертвенно-бледные костлявые ноги, на которых ясно различались проглядывавшие сквозь кожу вены и мышцы. Его обнаженный торс густо покрывали шрамы – напоминания о его жизни до психушки.

– В городе что ни день продают рыбу с картошкой, так что должен же кто-то уметь эту рыбу ловить, – сказал он.

– Эту рыбу привозят на лодках, – заметила Алиса. – На лодках, которые приходят с моря, а рыбу там ловят сетями.

Алиса вспомнила, как одна молодая няня повела ее однажды на прогулку в доки, предварительно взяв с Алисы торжественное обещание, что она ни за что не расскажет об этом родителям. Алиса была очень мала, годика три-четыре, и была так взволнована предстоящим приключением, что немедленно пообещала молчать. Она пообещала бы что угодно, лишь бы няня взяла ее с собой.

Ее мать всегда старательно избегала этой части Нового города, фыркая, что там «полно всякого сброда». Няня тащила за руку разинувшую рот малышку сквозь толпы крепких, потных мужчин, вонявших солью, рыбой, виски и табаком, мужчин с гнилыми зубами и в грязной одежде, мужчин с такими загорелыми руками и лицами, что они казались гостями из какой-нибудь экзотической восточной страны.

Повсюду царили шум и суета: люди кричали, таскали туда-сюда бочки, бывалые матросы чинили сети и паруса, драили причалы и грузили на борт припасы для следующего путешествия.

Было там и несколько человек, похожих на отца Алисы: одетые в строгие костюмы, они вели серьезные беседы с капитанами. Эти люди вкладывали деньги в мореходство – и постоянно следили за своими инвестициями.

Были там и другие представители высших чинов Нового города. Их вели в каюты в преддверии морского круиза, а они знай морщили носы. А Алиса думала: как было бы чудесно уплыть на большом корабле в далекую-далекую страну.

Ее няня остановилась возле одной из небольших рыбачьих лодок: ее окликнул ухмыляющийся молодой человек с волосами такими светлыми, что сложно было понять, русый он или блондин, и потрясающе голубыми глазами.

Его звали Матиас, и у него был странный акцент. Он сказал Алисе, что он из страны вечного льда и снега, где нет ничего зеленого и где полным-полно белых медведей, которые вдвое больше человека.

Алисе не верилось, но Матиас сказал, что это правда. Потом он посадил ее к себе на колени и угостил какой-то странной сушеной рыбой, у которой и вкуса-то не было, сплошная соль, и рассказал историю о женщине, влюбившейся в одного из этих белых медведей, а тот возьми и окажись заколдованным принцем.

Эта история так потрясла Алису, что ей тут же захотелось отправиться вместе с Матиасом, чтобы тоже выйти замуж за белого медведя и жить во дворце изо льда. Но матрос рассмеялся, чмокнул ее в щечку и ссадил на землю. Потом он и няня («Почему я не могу вспомнить ее имя? Его – помню, а ее – нет».) сидели рядышком на бочках, держась за руки и о чем-то воркуя, а Алиса играла, собирая странные вещи, которые находила на причале. Кусочек невода, забавный

камешек, потускневшая монетка из каких-то далеких мест. Алиса бегала туда-сюда, стаскивая добычу к ногам милующейся парочки.

Вскоре она подобрала все, что было поблизости, и с каждым разом уходила все дальше и дальше в поисках чего-нибудь интересного. И вдруг, подняв глаза, осознала, что не видит больше лодки Матиаса, а повсюду вздымаются головокружительно-высокие мачты кораблей и деловито снуют люди, не замечающие ее.

Ей хотелось разрыдаться, но вместо этого она сделала пару неуверенных шагов, надеясь увидеть все-таки рыбачью лодку. Но вокруг не было ничего знакомого.

Алиса почувствовала, как все у нее внутри сжалось. Единственное, чего ей хотелось тогда, – это оказаться дома. Она была уверена, что уже пришло время пить чай; в животе урчало, руки дрожали, ей хотелось к маме, хотелось окунуться в вечно витавший вокруг нее сладкий запах роз.

И тут перед ней остановился мужчина, мужчина в респектабельном костюме и цилиндре Нового города, мужчина с добрым голосом и жестким голодным взглядом, мужчина, который предложил ей помощь и вытащил из кармана конфету.

Алиса потянулась к угощению, забыв о страхе, забыв о том, что нужно найти няню, и рука мужчины тоже потянулась к ней, и пальцы его сомкнулись на ее запястье.

А потом она услышала отчаянный крик:

– Алиса! Алиса! – и, обернувшись, увидела прямо перед собой белое-белое и мокрое-мокрое от слез лицо няни.

Та подхватила Алису на руки и отругала девочку за то, что она убежала. А когда няня уносила ее, Алиса увидела, что мужчина в цилиндре исчез.

Они больше никогда не ходили в доки. Несколько недель спустя няня ушла посреди ночи и больше не появлялась, что, конечно, очень рассердило мать Алисы, и она сердилась до тех пор, пока не нашла ей подходящей замены. Но

Алиса надеялась, что няня сбежала в край льда и снега и нашла там Матиаса, большого белого медведя, зачарованного принца.

Внезапно лицо Алисы обдало брызгами, а когда она проморгалась, то увидела Тесака, с гордым видом держащего обеими руками бьющуюся пятнистую рыбу.

Алиса снова моргнула:

– Где ты ее взял?

– Поймал. Ты что, не видела? – Тесак приуныл. – Разве ты не смотрела?

– Извини. Я вспомнила… кое-что.

Только теперь она поняла, отчего у того мужчины был такой голодный взгляд, какое желание горело в его глазах, и осознала, в какой была тогда опасности. Что бы случилось с ней, слишком маленькой, чтобы сопротивляться или убежать? Не то же самое, что случилось позже, когда она встретила Кролика?

Она отогнала воспоминания, переключив внимание на Тесака, надувшегося из-за того, что она не оценила должным образом его труды.

– Извини, – повторила Алиса, глядя на рыбу, трепыхавшуюся все слабее. – И что ты собираешься с ней сделать?

– Выпотрошить и приготовить.

– Я не знаю, как готовят рыбу. – Алиса никогда не ела ничего, что не приготовил бы для нее кто-то другой. – Разве тут не нужен мясник, или торговец рыбой, или еще кто-нибудь в этом роде?

– Я – мясник, – заявил Тесак и принялся чистить рыбу с такой сноровкой, словно занимался этим всю жизнь.

Что ж, пока он разделывал свой улов, Алиса собрала охапку сухих веток и ухитрилась-таки, после нескольких попыток и наставлений Тесака, развести костер. Вскоре насаженные на палочки куски рыбы жарились над огнем, и они

устроили чудесный пикник – с деревенским хлебом и водой из ручья.

Впрочем, насчет хлеба Алиса засомневалась. Не хотелось ей больше глотать волшебную пищу, хотя Тесак заявил, что поскольку они уже отведали магической стряпни, то какая теперь разница – ну, съедят еще немного. А Алиса все колебалась, с подозрением посматривая на хлеб, сотворенный при помощи магии.

«Это глупо, правда. Ты бы с радостью его съела, если бы наколдовала эту буханку сама».

Тесак заметил ее неуверенность и, отломив горбушку, отправил ее в рот, заявив:

– Если не хочешь, я сам все съем.

И Алиса принялась за хлеб.

Хотя все равно беспокоилась, что это может быть каким-то образом использовано против них. В сказке такая еда привела бы их к избушке ведьмы, которая держала бы гостей в темнице до тех пор, пока они бы не разжирели, – и сожрала бы их.

А может, хлеб вообще не был бы хлебом, а только казался таким. Алиса почти ожидала обнаружить в тряпице не свежую буханку, а источенный червями ком грязи или еще что-нибудь столь же отвратительное. Однако хлеб по-прежнему оставался хлебом, и она даже не знала, радует ли ее это или расстраивает.

«А ведь тут все элементы сказки в наличии», – подумала Алиса. Заколдованная деревня, загадочные существа в ночи. И все же что-то казалось не совсем верным, что-то не вписывалось, не складывалось – и оттого не вело к ожидаемому концу.

Алиса и Тесак ушли из деревни без борьбы, не было никакого противостояния. И, если верить сну Алисы, удалось им это благодаря ей. Это она настояла на том, чтобы заплатить за продукты и вещи в магазинчиках.

Впрочем, она отчего-то не думала, что все так просто. Зачем устраивать ловушку – теперь-то Алиса была абсолютно уверена в том, что деревня была именно ловушкой, – а потом позволять рыбке уплыть из сети?

– И почему мы никогда не видели источника того света в пустыне? – пробормотала Алиса, когда они собирали вещи, чтобы снова тронуться в путь.

– А что? – спросил Тесак.

– Да ничего, – ответила Алиса.

Ни к чему тревожить Тесака своими беспочвенными волнениями.

Деревья теперь стали встречаться гораздо чаще, а ручей свернул в сторону, отклонившись от курса на восток, которого придерживались Алиса с Тесаком.

На опушке леса Тесак остановился, разглядывая землю.

– Оленья тропа. Можем пока что идти по ней.

– Откуда ты столько об этом знаешь? – с подозрением поинтересовалась Алиса. – Об оленьих тропах, о рыбалке и тому подобном? Ты же никогда в жизни не покидал Город.

Тесак пожал плечами:

– Ну, не знаю. Знание приходит, когда мне нужно, как тогда, когда мы сбежали из лечебницы и искали Бесс.

– Это, по крайней мере, имело смысл. Ты же бывал там прежде – и, так сказать, руководствовался чутьем. Но это…

– Возможно, быть ясновидящим означает нечто большее, чем просто видеть будущее, – сказал Тесак. – Может, я способен призывать какую-то иную силу.

«А может, – подумала Алиса, прищурившись, – кто-то тебе помогает. Кто-то, кого я выгнала из своей головы. Но он ведь не обещал, что не заберется после этого в твою».

Но вслух она ничего не сказала. Не было у нее никаких доказательств вмешательства Чеширского, хотя относительная легкость, с которой они прошли через выжженную пустыню, только усилила ее подозрения. Чеширский любил расставлять фигуры на шахматной доске и убирать их по собственной прихоти. Если ему по какой-то причине было выгодно увести их от загадочного света в пустыне, то Чеширский не побрезговал бы использовать Тесака.

А в голове Тесака столько шума, что он и не заметил бы чьего-то присутствия. Что ж, Алиса будет пристально наблюдать за ним и посмотрит, не проявится ли в его поведении влияние Чеширского.

Тесак уверенно углубился в лес, будто знал, куда идти. Что же до Алисы, то ее беспокойство только росло по мере того, как чащоба становилась гуще.

Она никогда не бывала в настоящем лесу. Аллеи в городе были усажены тщательно подстриженными, расположенными в строгом порядке деревьями, дающими ровно столько тени, сколько нужно прогуливающимся в полдень нянькам, толкающим детские колясочки.

Возле дома, где прошло детство Алисы, был большой парк, но даже там деревьев было мало – они торчали тут и там среди полей ухоженной травы. Не было в Городе таких мест, где стволы стояли бы так плотно друг к другу, что, протискиваясь между ними, можно было изодрать одежду, где деревья наполняли бы воздух запахом коры и гниющих под ногами листьев. Мир этот казался Алисе совершенно чужим, и она вовсе не была уверена в том, что он ей нравится.

– Тут так тихо, – прошептала Алиса, и ее голос заполнил все пространство.

Здешняя тишина угнетала, подавляла, рождая ощущение, что лес затаился, дожидаясь возможности сделать… Алиса не знала, на что именно был способен лес, но ощущение было не из приятных. Ей казалось, что она никогда больше не увидит неба и солнца. Над головами зловеще нависал зеленый полог ветвей, сплетенных в вечном объятии.

– Да, – откликнулся Тесак еще тише; голос его был так слаб, едва ли громче вздоха. – Ни птиц, ни белок, ни оленей, по тропе которых мы идем.

Конечно, теперь, когда он упомянул об этом, Алиса заметила, что не слышит ни щебета, ни цоканья, ни шороха – не слышит всех тех звуков, которые ожидаешь услышать в лесу, даже если никогда не бывал там прежде. И ничто тут не двигалось, кроме них самих.

– Что все это значит? – спросила Алиса.

– Это значит, – ответил Тесак, и топор словно бы сам собой появился в его руке, – что где-то тут охотник, а те, на кого охотятся, попрятались кто куда.

– Но не мы. – Алиса огляделась по сторонам. Тени стали гуще, зловещее, они сливались в фигуры, которые, может, и бывают на самом деле – а может, и нет. – Что, если он охотится на нас?

– Уверен, что так и есть. – Глаза Тесака сверкнули.

Алиса знала, что он жаждет этого: напряжения охоты, мучительной тишины перед тем, как кровь вскипит в венах, перед жестокой бойней. Алиса могла бы понять Тесака – но только не эту его потребность. Она дралась лишь тогда, когда это было необходимо, защищая свою – или его – жизнь. И она никогда не поймет наслаждения от ощущения тающей под клинком плоти (если не считать плоти Гусеницы).

«Ну, это ведь совсем другое, верно? Он же держал тех девушек в плену ради собственного развлечения».

Как странно, размышляла Алиса. Она думала, что, покинув Город, оставит позади и все его ужасы, отбросит их, как змея, выскальзывающая из старой кожи. А вместо этого кошмары возвращались к ней снова и снова – Гусеница, Морж, Чеширский, Кролик, девушки, которых использовали и сломали, кричащие девушки, которых вытаскивали из их домов и похищали на улицах. Такие же девушки, какой когда-то была Алиса.

– Алиса, – окликнул ее Тесак.

Только теперь она заметила, что он продолжает идти – в то время как сама она остановилась, вглядываясь в дыру своего прошлого, вместо того чтобы искать опасность в настоящем. Алиса поспешила к Тесаку.

– Если не будешь смотреть в оба, скоро окажешься в чьей-нибудь похлебке, – предостерег Тесак.

Алиса кивнула, зная, что это правда. Но знала она и то, что не может прекратить эти погружения в прошлое – как и Тесак не сможет справиться со своей кровожадностью. Иногда соблазн мыслей и воспоминаний становился слишком силен, утаскивая ее из реального мира и затягивая в глубины сознания. Соблазн этот проистекал, вероятно, из всех лет, проведенных в лечебнице, когда компанию Алисе составляли лишь собственный разум да голос Тесака из мышиной норы.

Правда, оставалось еще и смутное воспоминание о голосе матери, резком и нетерпеливом: «Выпрями спину и прекрати мечтать, Алиса!»

Да, она была мечтательным ребенком, и жизненный опыт ее мало изменил. Несмотря на опасности, подстерегающие их на каждом шагу, Алиса, похоже, никак не могла сосредоточиться на том, что делает в данный момент.

Несколько минут Алиса и Тесак молча шагали по лесу плечом к плечу, и Алиса почувствовала, как скручивающее тело и нервы напряжение покидает Тесака. Лес, однако, хранил свои секреты, и она уже начала думать, что тут просто вот такое тихое место – без животных. Почему то, что они не видят никаких грызунов, обязательно должно означать что-то зловещее? (Но и – никаких птиц? Никакого жужжания насекомых? Вообще ничего?)

А потом она услышала.

Звук был таким слабым, что его легко можно было принять за шелест листвы на ветру. Только вот ветра не было. Воздух оставался густ и неподвижен, и Тесак остановился, вскинув руку, – и Алиса тоже замерла.

Его серые глаза сделались стальными, жесткими и настороженными, лицо будто окаменело, но губы чуть шевельнулись – ровно настолько, чтобы Алиса смогла

прочитать по ним: «Сзади».

Да, она всегда была мечтательной, но еще она всегда была любопытной – и поэтому обернулась, чтобы посмотреть, что там, прежде чем Тесак изготовился к удару. И задохнулась, потрясенная. Крик ужаса застрял в горле. Там было нечто – нечто, чего она никогда даже не представляла, и находилось оно очень, очень, очень близко.

Прямо за спиной. Длинные пальцы тянулись к тому месту, где секунду назад был ее затылок. Лицо существа было чудовищно расплющено, как будто череп его сперва раздавили, стиснув между двумя плитами, а потом какой-то ребенок, балуясь, вытянул твари нос и подбородок.

Конечности создания тоже были неестественно удлиненными, хотя все тело скрючилось так, что лицо находилось на уровне глаз Алисы. Пятнистую зеленоватую кожу покрывала какая-то желтоватая, сочащаяся из пор слизь. На существе было что-то вроде куртки, сшитой из кожаных лоскутов, и Алисе показалось, что некоторые из этих клочков очень похожи на человеческую кожу.

Все это Алиса осознала в одно мгновение, а потом в ее ноздри проник запах твари, вонь разложения и смерти, и она, задохнувшись, отшатнулась от этих длиннющих жадных пальцев.

Существо, зашипев, сделало шаг вперед, продолжая тянуться к Алисе. Но тут Тесак взмахнул топором, так сильно и быстро, что Алиса ощутила, как всколыхнулся потревоженный воздух, когда лезвие просвистело мимо нее. Она крепко зажмурилась, ожидая, что сейчас ее обдаст горячими брызгами крови и раздастся предсмертный хрип преследовавшей их твари.

Но ничего такого не произошло.

Алиса осторожно открыла глаза и обнаружила Тесака, ошеломленно пялящегося на пустое место – туда, где только что стояло чудовище.

– Куда оно делось? – недоуменно спросила Алиса.

Тесак никогда не промахивался. Это была истина – непреложная истина, такая же, как восход солнца и синева ее глаз. Тесак никогда не промахивался, если уж достал топор и нанес удар. И все же, каким-то образом, сейчас он промахнулся.

– Оно исчезло, – пробормотал Тесак и покачал головой. – Нет, не совсем так. Оно вроде как… ну, запнулось, мелькнуло передо мной – а потом я его больше не видел.

Образ твари стоял перед глазами Алисы, такой четкий, как будто существо никуда не делось, только тянулось теперь не к ее шее, а уже к лицу.

– Как думаешь, это чудище было настоящим?

Сердце Алисы неистово колотилось, и она сама слышала, как дрожит ее тихий голос.

Эта «встреча» ужасно встревожила ее, встревожила куда сильнее, чем можно было представить, с учетом всех тех ужасов, что она уже видела. Как бы ее успокоил сейчас окровавленный труп монстра, валяющийся у их ног! Тогда, по крайней мере, Алиса знала бы наверняка, что чудовище существовало на самом деле.

Тесак принюхался.

– Запашок вполне настоящий. До сих пор воняет.

– Если оно настоящее, то что это? Что ему от нас нужно?

И вновь сила собственного страха удивила Алису. Существо выглядело каким-то страшилищем из детской сказки, из тех, что выползают из-под кровати в темноте и тянут, тянут свои длинные тонкие руки, чтобы выхватить маленькую девочку из-под одеяла прежде, чем она закричит. Оно походило на…

– Гоблин, – выдохнула Алиса, вспомнив служанку по имени Лизл, которая пришла из леса в высоких горах, что лежали далеко-далеко от Города.

Она рассказывала Алисе о гоблинах и ведьмах, живущих в пряничных домиках, куда они заманивали детей. А еще о девочках, которые отрубали себе пальцы на ногах, чтобы ступня поместилась в хрустальную туфельку.

По мнению Алисы, то были не очень приятные сказки, хотя Лизл и утверждала, что они детские.

– Что за гоблин? – спросил Тесак.

– Нечто, чего не должно существовать, – пробормотала Алиса.

Существо, стоявшее здесь секунду назад, все еще не казалось ей настоящим. Легко принять присутствие в мире магии животных, которые умеют говорить, если ты умеешь их слушать, и даже русалок. Легко принимать милое и приятное (хотя магия не всегда используется для милого и приятного, не так ли?), но смириться с присутствием чудовищ, особенно тех, что были родом из детских сказок, отчего-то куда труднее.

Разуму хотелось отстраниться, отвергая реальность гоблина, отрицая, будто глаза видели то, что они видели, притворяясь, будто нос вовсе не чуял этого смрада, забывая о том, что длинные пальцы едва не прикоснулись к твоей шее.

Алиса тряхнула головой, приказывая себе не валять дурака. Она встретилась с Бармаглотом и победила его…

(Алиса.)

…и, конечно, нынешнее пугало – ничто по сравнению с ним.

(Я все еще здесь, Алиса.)

Кажется, из свертка грязной одежды на дне мешка раздался мрачный смешок, но Алиса не слышала его. Нет, не слышала.

Тесак присел на корточки, рассматривая место, где стояло существо. Алиса не видела никаких следов, никакого намека на то, куда чудовище исчезло. Она помнила, как мельком заметила длинные, непомерно большие лапы с кривыми

черными ногтями, которые точно должны были оставить на земле следы, царапины или еще какие-нибудь отметины. Но ничего не было. Тесак долго осматривался, потом поднялся и расстроенно поскреб щеку.

– Уж не знаю, что это за гоблин такой, но исчез он чертовски быстро. Если бы мы оба его не видели, я бы сказал, что его тут вообще не было.

Задумчиво постукивая обухом топора по левой ладони, он оглядывал лес. Алиса видела, что глаза его полны тоски и желания поохотиться на тварь, ускользнувшую от его клинка.

– Пойдем, Тесак, – сказала она с решимостью, которой, правда, не чувствовала. – Если оно появится снова, ты попробуешь убить его еще раз.

Алиса знала, что он не сдвинется с места, если она останется стоять, потому что Тесак никогда не позволил бы ей бродить по лесу без защиты. Поэтому сделала то, чего ей вовсе не хотелось делать. Задрала подбородок и притворилась, будто не чувствует себя испуганной мышкой, желающей нырнуть в ближайшую норку. Притворилась, будто ее трепещущее сердце не сжимается в груди, пытаясь стать маленьким и незаметным. Притворилась, будто не боится оглянуться через плечо и увидеть не острые скулы Тесака, а расплющенную морду гоблина. Притворилась – и зашагала вперед.

И секунды не прошло, как нагнавший ее Тесак похлопал Алису по плечу:

– Я расправлюсь с ним в следующий раз. Не волнуйся.

– Я и не волнуюсь, – ответила Алиса.

Но она волновалась. Потому что Тесак никогда не промахивался. А в этот раз промахнулся.

Они шли и шли, оба погруженные в свои мысли. А в лес тем временем вернулись птицы и бурундуки, и в кустах кто-то шелестел. И даже оленьи рога мелькнули между деревьев. В другое время Алиса, наверное, вскрикнула бы от удивления и принялась бы показывать пальцем на дикого оленя – но только не сейчас.

Страх переполнял ее, как яд, разливаясь по всему телу от яремной ямки – того места, которого едва не коснулся гоблин. Ей было ужасно холодно, озноб пробирал до костей, руки дрожали так сильно, что она сжала в карманах кулаки, чтобы Тесак не заметил, как ее трясет.

Алиса не могла объяснить, почему гоблин так напугал ее – напугал сильнее, чем все, что она когда-либо видела, сильнее, чем Чеширский, сильнее, чем Морж, даже сильнее, чем тот, о ком она не собиралась думать, потому что хотела забыть его. Она знала только, что тени удлиняются, свет меркнет, и ей хочется укрыться своим плащом с головой, пока солнце не покажется вновь.

Однако Тесак был другого мнения. Темнота пробудила в нем хищника, и, в то время как лесные звери и птицы устраивались в своих норах и гнездах, он скалил зубы, точно волк.

А в голове Алисы все звучал голос Лизл, той давнишней няньки, что пришла из далеких лесов.

Бабушка, бабушка, почему у тебя такие большие зубы?

Нет, Тесак не был волком в овечьей шкуре. Он был волком в облике человека, убийцей, вынужденным притворяться обычным горожанином. И теперь, в этом грубом, первобытном, далеком от цивилизации месте его природа могла наконец-то взять свое и развернуться во всю мощь.

Алиса почувствовала перемену, почувствовала предвкушение, растущее в нем. А потом она увидела гоблина, и сердце ее пропустило удар, а кровь в жилах заледенела.

Он стоял прямо перед ними, на тропинке, – темный силуэт, не вписывающийся в орнамент тесно стоящих стволов. Странно, что Алиса вообще смогла рассмотреть что-то после захода солнца. Оказывается, ночь не была непроглядно-черной. Оказывается, мрак бывает разных оттенков – и оттого чудовища бросаются в глаза даже посреди темного-темного леса.

Она прищурилась, не вполне уверенная, что гоблин все-таки там. Возможно, это всего лишь воображение или какая-нибудь корявая ветка и никого перед ними нет.

А Тесак бормотал что-то себе под нос, снова и снова повторяя одну и ту же фразу, с каждым шагом произнося ее чуть громче. Алиса подалась к нему и прислушалась.

– Ночь жива, жив и я, – говорил он каким-то хриплым, утробным голосом. – Ночь жива, жив и я. Ночь жива, жив и я.

От этих слов мурашки побежали по спине Алисы. «Я не могу потерять его, – подумала она. – Тесак, не покидай меня».

Она потянулась к нему, не зная еще, что сделает, не зная, какие слова удержат его рядом с ней, какие слова помогут ему остаться человеком.

А потом ночь ожила.

Заскрежетала кора, заскрипели сучья, зашелестели трущиеся друг о друга листья. Раздалось шипение, точно тысячи змей вдруг запели хором. Далеко позади что-то загрохотало, точно нечто громадное, замыслив недоброе, продиралось сквозь лес. Завыл волк, потом еще один, и еще.

Алиса вертела головой, озираясь, не зная, какая из угроз самая страшная. Может, деревья сейчас схватят ее, оторвут от земли? Или волчья стая набросится на них и разорвет в клочья? Или гоблин вернется закончить свое дело?

Волчий вой прозвучал вдруг очень близко. Ужас объял ее, и она медленно обернулась, ожидая наткнуться на сверкание желтых глаз и острых белых клыков. Но единственные глаза, которые она увидела, были серыми, хотя и налитыми кровью, а в убийственной улыбке обнажились вполне человеческие зубы.

– Ночь жива, Алиса, – сказал Тесак. – Жив и я.

Алису затрясло от страха – страха, удивившего ее саму. Она была на взводе с момента появления гоблина и не думала, что может испугаться еще сильнее, – но, оказалось, может. И еще – ну, Тесак никогда не пугал ее прежде. Напрямую – нет. Алиса чувствовала себя в безопасности, абсолютно уверенная, что он

никогда не причинит ей вреда.

А теперь он почти превратился в волка, каким она его и представляла, в волка, который был заперт в клетке – и вдруг вырвался на свободу.

– Ночь жива, Алиса, – повторил он, приблизив лицо к ее застывшему лицу.

Она не шевелилась, да и дышать-то едва осмеливалась. Тело оставалось неподвижным, но в голове стремительно проносились ужасные картинки: то, что может случиться с ней, если Тесак сорвется. В частности, образ разбросанных по лесной подстилке маленьких окровавленных кусочков…

Завтра он пожалеет об этом. Несомненно, пожалеет. Но сделанного будет уже не исправить, и Алисы не будет рядом, чтобы укорить его.

Что-то громадное продолжало с грохотом двигаться в их сторону. Алиса слышала, как оно приближается, ломая кусты и ветви, распугивая лесную мелюзгу, с визгом убегающую от чудовища. Этот гигант раздавит их в мгновение ока, и уже не будет иметь значения, что Тесак сошел с ума – или, точнее, стал чуть безумнее, чем раньше.

А Тесак словно и не слышал поступи монстра. Он прислушивался к чему-то другому, к чему-то, что говорило только с ним.

Краем глаза Алиса заметила движение: то раскололся лес перед великаном. Несколько маленьких зверьков с длинными хвостами пронеслись по ее ногам. Поразительно, что даже в такой момент, уверенная, что вот-вот либо ей перережут горло, либо ее раздавит гигантское существо, Алиса успела подумать о том, как сильно она ненавидит крыс, и внутренне передернулась, ощутив касание хвостов, скользнувших по носкам ее ботинок.

Потом Тесак наклонился к ней, укусил за нос – но нежно, очень нежно – и бросился в чащу.

Алисе, наверное, следовало удивиться («он бросил меня!»), но чудовище уже нависло над ней, и ей тоже нужно было бежать.

Нет, она не могла последовать за Тесаком. Тьма поглотила его слишком быстро. Сойдя с тропинки, она тут же заблудится, потеряется, в этом нет никаких сомнений. Но ревущий великан шагал прямо по тропе.

«Наверх, дуреха, наверх».

Алиса вслепую рванулась к ближайшему дереву, подтянулась, царапая башмаками кору, и полезла вверх по стволу. Еще совсем недавно у нее просто не хватило бы на это сил, но голод больше не мучил ее, а еще приключения закалили Алису, сделав гораздо выносливее, чем она была в лечебнице. Кроме того, испуг – мощный стимул.

Думала она сейчас только о том, как убраться с пути великана. Она не знала, насколько он высок – казался-то он огромным, – поэтому продолжала карабкаться, не обращая внимания на сердитых белок и вспархивающих с ветвей раздраженно чирикающих птиц. Она взбиралась, обливаясь по?том, и руки скользили по дереву, но она взбиралась, пока у нее не закружилась голова. И тут Алиса поняла, что выше ей уже не подняться.

Она посмотрела вниз и только теперь осознала, что залезла выше, гораздо выше, чем собиралась. Земли не было видно, а тьма под ногами казалась пропастью, бездонной пастью, готовой проглотить ее.

А гигантское существо, кем бы оно ни было, исчезло. Грохот, треск, стук уже удалялись, затихая, а Алиса, потрясенная, объятая ужасом, даже этого не заметила.

Она оказалась на такой высоте, что живот болезненно скрутило от ужаса. О чем она вообще думала? Как она теперь спустится? Куда убежал Тесак, как ей найти его? И что ей делать, если она не сможет его найти? Отправиться дальше без него? Или вернуться в Город?

Нет, в Городе у нее нет будущего. Она это знала. Семья не обрадуется, обнаружив, что Алиса жива. А если возвращаться не к семье, то куда? Остается только Чеширский, а Алиса не желает быть его игрушкой, орудием в его руках.

Она прищурилась, пытаясь отыскать надежную точку опоры. Но все было мягким, расплывчатым, неразличимым. Теперь она поняла, что слабый свет

звезд и луны просачивается сквозь лесной полог, что и позволило ей быстро взобраться наверх. Но уверенность мигом улетучилась, как только возникла необходимость спуститься.

Руки Алисы обнимали особенно толстый сук, и она подумала, что могла бы усесться на него. Оставаться на одном месте казалось самым разумным вариантом. Внизу ничего не видно, Тесак пропал, гоблин может быть где угодно. Блуждать сейчас по лесу – пожалуй, самое глупое, что она могла бы сделать.

Алиса поднапряглась, подтянулась и уже на ветке осознала, что та, хотя и была куда толще других, едва ли достаточно широка, чтобы разместиться на ней с удобством. Руки дрожали, поэтому Алиса обхватила сук ногами, словно оседлала лошадь, и попыталась половчее прислониться к стволу. Половчее никак не получалось, особенно с мешком за спиной.

Что ж, Алиса развернула мешок, так чтобы лямки остались на плечах, но сам мешок повис спереди, точно живот у беременной. Не хотелось ей рисковать и переживать о том, как бы ненароком не уронить поклажу, как бы то, что она хочет забыть, внизу не попало в чужие руки.

Удобнее не стало – только кора царапала затылок, да воображение услужливо рисовало жуткие картинки. Например, портрет Алисы, сидящей на дереве, точно сумасшедшая птица. Как бы Алисе хотелось, чтобы ноги ее стояли на твердой земле – где им и положено стоять. Как бы хотелось, чтобы Тесак вернулся к ней – желательно, утихомирившийся. Как бы хотелось (хотя в этом было немного стыдно признаваться даже себе самой), чтобы их поиски Дженни закончились.

Они шли на восток, руководствуясь лишь слухами. Может, дочь Тесака вовсе не там, где они полагают. Может, Дженни вообще уже нет в живых. А если она и жива, кто сказал, что она вспомнит отца? Что, если поход Алисы и Тесака через лес, через горы и пустыню был напрасным?

И было еще кое-что. Тот разговор, который то ли она услышала, то ли он ей приснился. Беседа трех огромных теней в ночи, говоривших о «ней» и об источнике света, который Алиса с Тесаком видели, пересекая опаленную землю.

Как много тревог и терзаний, как много неизвестного, что может повлиять, а может и не повлиять на их путешествие. Острый страх (как перед гоблином, так

и перед Тесаком) отступил, оставив ее опустошенной и измученной. Голова Алисы свесилась на грудь, она клюнула носом – и тут же резко выпрямилась, испугавшись упасть со своего ненадежного насеста. Здесь нельзя спать. Это небезопасно.

Она слышала, как успокаивается лес, как звери, птицы и деревья затихают на ночь. Стук ее собственного сердца тоже унялся, когда она посмотрела на звезды, крохотные точечки света, едва различимые сквозь листву. Лицо овевал прохладный ветер, и, хотя Алиса в лесу ориентировалась слабо, ей показалось, что дует он с гор.

«Там будет холодно, – подумала она. – Вершины покрыты снегом».

Алиса никогда не видела снега – такого, какой бывает в северных краях. В городе иногда падали редкие хлопья, но не укрывали улицы белоснежным одеялом, а мгновенно превращались в серое слякотное месиво. Занятно, каково это – идти по толстому хрусткому ковру, идти, идти – и, возможно, встретить белого медведя, совсем как в тех сказках.

«Медведя, который превратится в принца», – подумала Алиса и грустно улыбнулась самой себе. Ее принц не медведь, а безумец. Алиса уже поняла, что любовь не выбирают. Если бы сейчас из ниоткуда вдруг появился королевский отпрыск и предложил ей светлое будущее, она бы отказалась, поскольку знала, что никогда не полюбит никого, кроме человека с серыми глазами и окровавленными руками. Думает ли он о ней сейчас, гадает ли, почему она не последовала за ним? Или совсем забылся в азарте охоты и не вспомнит про Алису до самого утра?

Она поежилась под порывом ветра и ссутулилась, обхватив себя за плечи.

«Холодно. Так холодно».

Веки тяжелели и опускались; дыхание становилось медленным, ровным. Вскинувшись, Алиса поерзала на ветке.

«Я упаду. Нельзя падать. Нельзя спать».

Но было холодно, и холод нагонял сон.

«Холодно. Так холодно».

Алиса стояла перед прозрачным дворцом, что находился на самой высокой вершине самой высокой горы. Руки ее дрожали так сильно, что она едва чувствовала их, а когда она посмотрела вниз, то увидела, что кончики пальцев посинели. И ног в башмаках она уже не ощущала, и зубы ее громко стучали.

Дворец сверкал на солнце. Таких красивых зданий Алиса никогда прежде не видела. Но красота эта была холодной, и что-то тут было не так. Совсем не так. Она наклонила голову, прислушиваясь. Ветер свистел в ушах, пел ледяную песню, но под этим свистом скрывалось нечто иное. Визгливый, несмолкающий женский смех, в котором не было радости.

А еще крик. Детский крик.

Звук был таким ужасным, таким надрывным, что Алиса зажала ладонями уши, пытаясь отгородиться от этого вопля, притвориться, что она не слышала его вовсе.

Но крик ввинтился в череп, проник в мозг, засел там, глубоко-глубоко внутри, въелся в кости, в кровь, в плоть, и она знала, что всегда будет слышать его, во сне и наяву, всегда – пока дети будут кричать.

Потому что они зовут ее.

«Нет, – подумала она. – Нет».

И она побежала, не обращая внимания на то, куда несут ее ноги, побежала, поскальзываясь на льду, и переступила край пика, самого высокого пика самой высокой горы, и почувствовала, как падает в никуда, но крик продолжал преследовать ее, так что даже в смерти она не спасется от этих кошмарных воплей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.me/genri_kristina/krasnaya-koroleva

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити